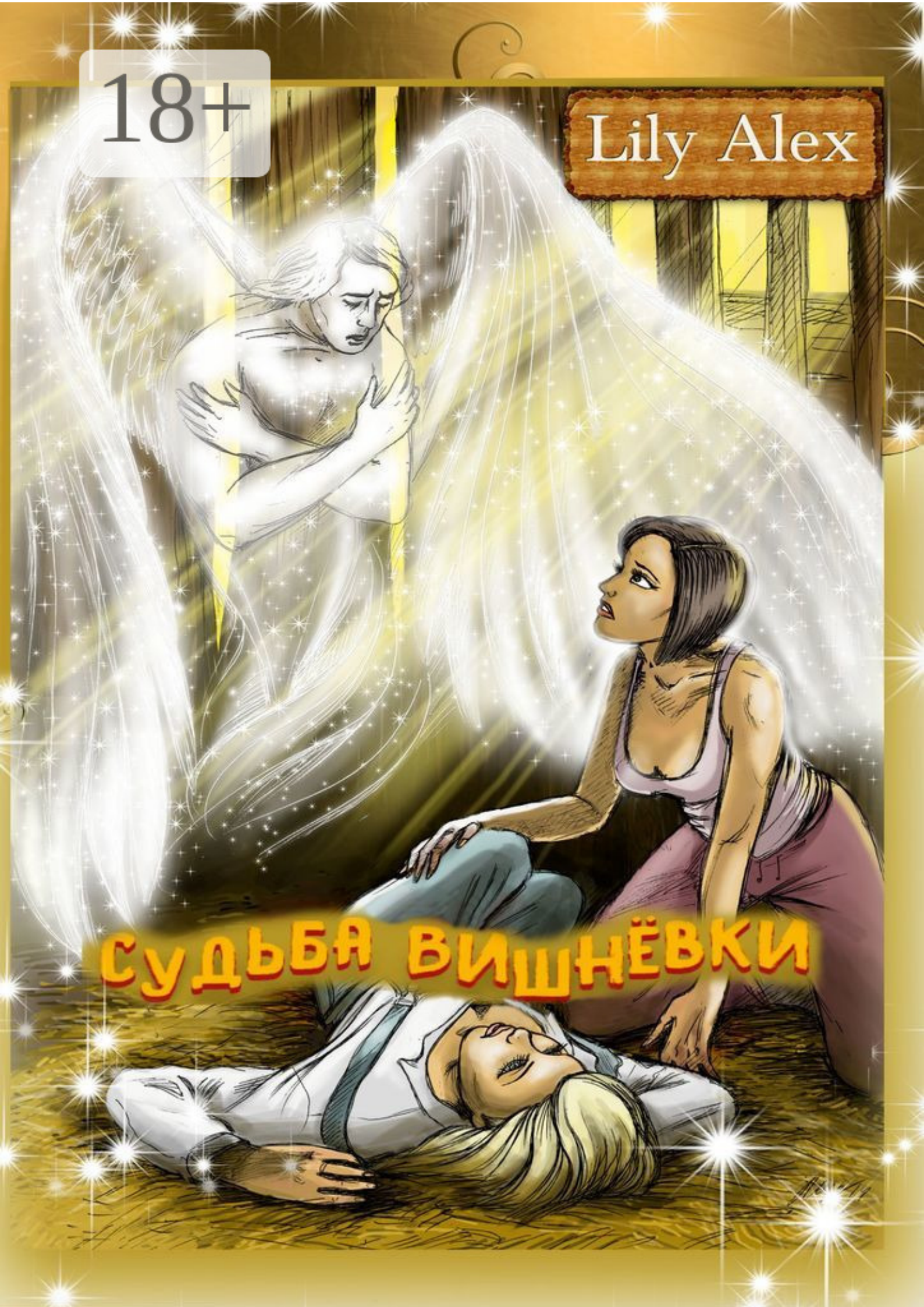

18+

Lily Alex

СУДЬБА ВИШНЁВКИ

Lily Alex

Судьба Вишнёвки

«Издательские решения»

Lily Alex

Судьба Вишнёвки / Lily Alex — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988596-8

~ Подарочное издание ~В книгу включены обе части, до этого опубликованные отдельно. В цикле «Вишнёвка» Ангел Смерти приобретает тело сибиряка из глухой деревеньки. «Ягоды ``Желание``» — стартовый роман. В «Судьбе Вишнёвки» Змей-Искуситель старается отомстить жителям, встретившим его более чем неприветливо. «Дела Людей» — продолжение и замыкает цикл «Вишнёвка». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-988596-8

© Lily Alex
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Вступление	8
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Судьба Вишнёвки

Lily Alex

© Lily Alex, 2020

ISBN 978-5-4498-8596-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом романе цикла «Глеб Орлов» – «Ягоды „Желание“» – Ангел/Демон Смерти, навеки-вечные потеряв свою возлюбленную Джину, дочь Демонессы Лилит, с горя, почти на угад, берёт себе новое тело.

Но Судьба приготовила ему сюрприз.

Демон Смерти начинает испытывать чисто физическую тягу к Мэри Чёрнсын, жене Змея-Искусителя, сейчас разгуливающего по Земле под именем Артур. К тому же, у этого тела оказывается много проблем – сильнейшая табакозависимость и склонность к запоям.

Глеб Орлов, так звали того человека, тело которого украл Демон Смерти, родом из глухой сибирской деревни, его родители ещё живы.

Ангел Смерти знает, что там расположена мощная Энергетическая зона, и едет на «разведку», надеясь подлечить Даниеля – приёмного сына Мэри.

Хотя сперва мать, Валентина Макаровна, а потом и отец, Олег Петрович, выясняют правду, но от новоприобретённого «сына» не только не отказываются, но борются и помогают самоотверженно.

Родная же мать Дэна, Люси Гонзалес, страстно хочет заполнить его назад.

Подключается даже демонесса Лилит. Её дочь Джина, погибла из-за Артура и Мэри.

Центр борьбы перемещается в Вишнёвку, где Лилит обитает в качестве Кикиморы Болотной.

Родители Глеба встречают его, как вернувшегося сына.

Растроганный таким отношением, Ангел Смерти буквально прикипает душой к Вишнёвке.

Когда Артур, извечный Змей-Искуситель, раздувает конфликт между жителями, Глеб встаёт на их защиту, и, в данном случае, Мэри поддерживает его, а не Артура.

Но мужа она по-прежнему любит и, когда ситуация улажена, возвращается к нему.

Люси получает своего сына назад, но дорогой ценой – Джерри-Альберто, которого она любила, отец Энн – дочери Мэри, возвращается на службу к Чёрнсынам, но ему полностью стирают память о браке с Люси.

Вступление

Написано © Натали Фурсовой:

Велика и необъятна сказочная Сибирь, топи и болота окружают её девственные леса, в которых испокон веков таятся несметные сокровища. Из уст в уста передаются древние сказания о волшебной лисице и алмазной дудке. Многие из смертных хотели бы завладеть ею, но страх перед Кикиморой настолько силен, что давно не ступала нога человека в заговоренные земли.

Только вот разозлили бесхитростные и добрые люди Змея Искусителя – Артура Дариусовича, задумал он поживиться сокровищами сказочными, да деревеньку загубить. Тяжёлые испытания ждут Вишнёвку впереди, да такие, что даже сам Господь Бог не знает, на чьей же стороне будет победа...

Глава 1

... Вездеход, под управлением Альберто, увёз Мэри во тьму. Глеб, в расстёгнутой куртке-аляске стоял на крыльце и курил.

«Вот и всё,» думал он, изнывая от тоски, которую смертные даже осознать не могут. «Перепали крошки с хозяйского стола – пинок под зад – иди служи дальше.»

Он слышал – кто-то тоже вышел из дома, аккуратно закрыв за собой дверь.

«Вот, сучку навязали,» с досадой подумал он. «А, пёс лучшего и не заслуживает.»

– Вы опять курите?

– Можно на «ты», – буркнул Глеб. – Мы ж таперяча – жених да невеста.

– Я вам не навязывалась.

– Против воли Хозяйки попрёшь?

– Спасибо за Даниеля. Благослови тебя Бог!

– Не за что. – Орлов хмыкнул. – Мне какая радость! Навязали б*** с ребёнком.

– У меня будет хорошая зарплата. Дом. Супружеской верности я не требую. С сыном мне и Рон поможет. Он-то – настоящий мужчина.

Глеб досадливо отбросил окурок в сугроб.

– Грудь на распашку... ведь простудишься же... – Она подошла и застегнув ему куртку, поправила, как бы уминая.

– Прости, что так получилось с Альберто, – шепнул Глеб, разглядывая лицо своей будущей жены. – Детка, ты, действительно, выглядишь, как сквозь Ад прошедшая...

– Всё-таки увела его Мэри, – грустно хмыкнула Люси.

– У нас ребёнок будет совместный! – с вызовом бросил Орлов, следя за её реакцией. – А у тебя вовсе детей не будет!

– Ну, как ты захочешь, – шепнула Люси, оглаживая его шею. Улыбаясь, она перебирала его тёмно-русые волосы. – А я, да, рада! Ты так выручил нас тогда, с гаражом. Пусть даже по просьбе Рона. Ты не выгнал, не убил меня, когда Лилит ``устроила`` меня на работу. Ты поддерживал меня в борьбе за Даниеля, и в конце концов ты спас его! Я так благодарна тебе... Да, нельзя идти против воли Хозяйки.

– Я тем более не решусь. Я только что получила сына назад. Мне кажется, я не была так счастлива даже, когда родила его! Спасибо тебе...

Она ласкала его так нежно, улыбалась, посверкивая глазками. Её улыбочка сводила с ума мужчин и ``поустойчивее``.

– Ох, девочка, – Глеб обнял её. Первый раз.

«Какая же она тоненькая...» промелькнуло у него в голове. «Но не как Ядвига, такая сильная... Хорошо всё-таки у нас тренируют людей.»

Он подсунул руки под её расстёгнутую шубку.

– Забавно, – признался он. – Сколько раз я видел тебя голой, а хочу впервые...

– Джерри умер, – спокойно объяснила Люси. – А ты бы не хотел делить меня ни с кем, а? Признайся!

– Ни с кем... – Он тискал и оглаживал её гибкое, такое горячее тело. – Эх, жаль, родители не поймут, если мы прямым ходом уляжемся...

– Пошли в хлев! – предложила она, то толкая его, то прижимаясь покрепче. – Зорька против не будет!

Он замялся.

– Что милый? – Люси потёрлась об него, как кошка.

– Ну, завтра, может... – Он отвёл глаза.

– Глеб! – Женщина взяла его за щёки, пытаясь поймать его взгляд. – Милый, ты ж три раза уже откровенничал со мной, как с посторонней... Неужели невесте трудно открыться?

Он кивнул.

– Если насчёт проблем с ЭТИМ, – хихикнула она. – и так все слуги знают. Меня это не смущает. Я неприхотливая.

– Да-да, – произнёс он с явным облегчением. – Ну, вот видишь, там разберёмся. А пока – пошли в дом...

– Нет, постой. – Её взгляд похолодел, и в его глазах Люси стала даже краше. Эдакая орлица, которую словно за крыло дёрнули. – Что ты скрываешь?

Внезапно она поняла. «Мэри... Сволочи, когда ж они успели?»

Её лицо исказилось и, оскалившись, она столкнула его с крыльца в сугроб, а сама вернулась в дом, хлопнув дверью.

«Ну, семейная жизнечка мне предстоит...»

Орлов с трудом выбрался, отплёвываясь и поёживаясь.

«Дьявол! Энергетики – ни капли, снегу начерпался. ``Ой, простудишься! Ой, не ревную!`` Во, крутая...»

Он толкнулся в дверь. «Ох, щеколду задвинула... Энергозаслон поставила!»

Он даже не попытался выламывать дверь. «Сам же укреплял...»

Сел на крыльцо и пригорюнился.

«Ну, и замёрзну тут, к чертям собачьим,» думал он, чувствуя себя обиженным мальчишкой, которого поставили в угол. «Лучше, чем с такой стервой жить...»

* * * * *

Люси проверила Энн, поправила её одеяльце и обернулась к сыну.

Он сидел на кровати, явно спал, хотя глаза его были полуоткрыты.

Женщина осторожно легла рядом, помассировала его напряжённое тельце.

Мальчик, слегка застонав, поддался и лёг рядом, обхватив мать.

«Всё равно где,» думала она, растворяясь в ощущении счастья. «Всё равно с кем... Только бы вот так... Рядом... Сыночек мой, дитячко выстраданное...»

– Нтьёжь, бять... – пробормотал малыш, прижимаясь покрепче.

* * * * *

Глеб сидел на крылечке недолго.

Отворилась дверь, и высунулась Валентина Макаровна.

– Глебка! – сердито окликнула она. – Ах, ты, бандюга! Иди домой!

– Ну, вот, я ещё и виноватый... – ворчал он, хотя сердце его и плясало от радости.

Когда он входил, бабка дала ему подзатыльник и снова задвинула щеколду.

Отряхнув снег в сенцах, Глеб прошёл в дом. Олег Петрович, наливая себе под шумок, неодобрительно покачал головой, а Рон, вроде как потёр усы, скрывая улыбку.

– Сюда иди! Одежду скидывай! – Она держала в руках бутылку с вонючей жидкостью.

– Ой, не надо... – заныл Глеб, тем не менее покорно исполняя приказ.

– Знаю-знаю, никогда не любил! – приговаривала Валентина Макаровна, растирая его от плеч до пят. – Сядь давай!

Глеб сел на скамейку, идущую вдоль этой стены печки.

«Ой, как хорошо...» мелькало у него в мозгу, уже туманящемуся от усталости и ощущения счастья. «Тепло, и «натёрла она ноги ему маслом... «*благовонючим*»...»

– Одевай носки! – Валентина Макаровна неодобрительно качала головой.

– Мало в речке купался, щас чаво утворил? Люська-то спокойненько говорит: ``Там дверь захлопнулась!``»

– Да она...

– Не ищи в селе, а ищи в себе! – прервала его мать. – Сам говорил – с первой не заладилось, Машка от тебя сбежала, с Люськой пожениться не успели – выкидывает!

– Да я...

– Что ты? – поджав губы, Валентина Макаровна не отводила глаз.

– Не умею я с бабами... – жалобно протянул Глеб. – То, что про мои амурные похождения тут, в Вишнёвке, трепались, так вы, это, в голову не берите.

– Дурачок ты, дурачок. – Она поправила на нём свитер.

– Спать ложись – утро вечера мудренее.

– На печку, что ль?

– Альберка же уехал... Давай лезь!

Когда он забрался и, развернувшись, лёг головой к ней, женщина ласково погладила его, такое родное лицо, поправила волосы, того же цвета, что когда-то были у неё самой.

– Сыночек мой... – невольно шепнула она.

– Простите меня, – отозвался Глеб с раскаянием в голосе. – Что так случилось с Вашим сыном...

– Ты и есть мой сынок, возвернувшийся... – возразила женщина. – Не тот мерзавец, о котором судачили, а мальчик мой, которым я гордиться могу! Во мне росло это тело, его я грудью кормила, его я мыла, растирала, целовала, хоть и шлёпала иногда! А ведь золотой мальчишечка-то рос... И как свихнулся? Бог ему судья... А тебе спасибо, что пригрел мою старость. Теперь и помирать не страшно будет...

– Ну, это я гарантировать могу... – Ангел Смерти осёкся, видя, какое впечатление произвели его слова.

– А, так вот ты кто. – Она неверяще покачала головой. – Я чёй-то такое слыхала. По телевизору какая-то мадама рассказывала, как, мол, люди, когда помирают, их там любимые встречают. Я тогда, грешным делом, не поняла толком.

– Валентина Макаровна...

– Что, ``мамкой`` звать уже не хочешь? – Она всхлипнула, глядя его одной рукой, потому что другую он прижал к своей щеке, тоже влажной от слёз.

Он целовал ей пальцы, шепча то самое слово, слаще которого нету для женщины: «Мама, мамочка, мамка...»

* * * * *

Люси почувствовала, как сын шевелится в её объятиях, просыпаясь.

А он завизжал, ударил её, вырвался. Люси рывком села.

Мальчик, затравленно глядя на неё, прижался спиной к стене. Энн прыгала в своей кровати, держась за бортики, болтая на своём детском языке, но совершенно без умолку.

– Дэээн, – прошептала женщина, протягивая руки к сыну.

– Нет-нет, – услышала она голос Рона. – Он боится посторонних.

К её изумлению и досаде, мальчик кинулся к Рону и забрался на него, как маленькая обезьянка.

– Верните мне то лицо! – выкрикнула она, едва сдержав слёзы.

– Он к вам быстрее привыкнет так, – возразил Рон. – Энергетикой вас уже не поменяешь, а земные операции потребуют слишком много времени на восстановление.

Энн всё прибавляла громкости, но вошла Валентина Макаровна, и девочка мгновенно замолчала.

– Пойди позавтракай, – обратилась бабка к Люси. – И давай, Глебка хотел на лыжах пройтись.

– А я тут причём?

– Ну, ты ж – не Машка! – Валентина Макаровна улыбнулась. – Глебка – парень хороший, не обижай его очень-то! Пообщайтесь, может помиритесь, а?

«Интересно, действительно,» подумала Люси. «А Мэри умеет ходить на лыжах?»

* * * * *

Они завтракали все вместе.

Энн, под присмотром бабушки, наворачивала и кашу и хлеб, жадно пила молоко, хватала картошку. Валентина Макаровна смотрела на неё с умилением.

– Что ж вы девку впроголодь держите?

– Врачи считают, что у неё лишний вес, – объяснил Глеб.

Дэн возил ложкой по тарелке, пока Рон кормил его. А мальчик поглядывал то на него то на Олега Петровича. Орлова-младшего усадили напротив невесты, и Люси с удовольствием разглядывала его. А он, набычившись, сидел с мрачным видом, не поднимая глаз.

– Не выпался, Глебушка? – ласково-дразняще окликнула его Люси.

– Я тебе не «Глебушка», – огрызнулся он, вскидывая на неё взгляд, полный досады. – Сиськи не отросли так меня звать!

Валентина Макаровна стукнула его ложкой по лбу. – Не бАлуй!

– Не бауй, не бауй! – поддержала Энн.

– Цыц за едой! – одёрнула её бабка.

Глеб улыбался, глядя на мать, но опять соорудил недовольную физиономию, когда его глаза встретились с глазами будущей жены.

– А ты мою дочу обижать не смей! – Рон тоже нахмурился. – Она тебе не корова, чтоб за размеры вымени ценить!

– Ой, – Глеб поднял руки вверх. – Прошу прощения, Людмила Ароновна! Но обращение «Глеб» меня вполне устраивает.

– Вот так-то лучше, – проворчал Рон, подталкивая руку Даниеля. Мальчик неохотно, но сунул ложку в рот.

– Не забывай, какой ты пример сыну показываешь!

Глеб закусил губу.

– Я не взяла ни костюма ни лыж, – уточнила Люси.

– В вездеходе всё есть, – возразил Орлов-младший.

– А ты ещё не разучился? – Люси бросила с вызовом.

– Увидим, кто из нас разучился, – парировал он. Его ухмылка приняла совершенно другое выражение; словно у пса, когда не поймёшь – скалитесь он или «улыбается».

– Да, мать! – поделился Олег Петрович. – Видала, какую машину-то Глеб пригнал – лыжню кладёт, как ножом ведёт!

– Полчаса – пять километров, – уточнил тот. – Причём двойная лыжня. Пускай местные тоже катаются.

– Туты из города уж несколько раз приезжали, – поделился новостью Олег Петрович. – Вроде как турбазу хотят круглогодичную туточки устроить.

– Ну, так это ж здорово! – улыбнулся Глеб.

– Неизвестно, кто ещё понаедет. – Валентина Макаровна явно была настроена не столь оптимистично.

– Ну, я думаю, после летних событий Вишнёвке уже ничего не страшно. – Глеб поднялся. – Пойду принесу костюмы.

* * * * *

Мороз и солнце – классика! Даже в лесу, между деревьев, снег так сверкал, что их солнцезащитные очки едва справлялись.

Глеб и Люси шли по параллельным лыжням.

Мрачное настроение, досада на Мэри, постепенно улетучивались из души Орлова.

«Будущая жена, а?» Глеб поглядывал на Люси, идущую сильно и очень ровно. «Дьявол, глупо, конечно, всё равно уж навязали, а покрасоваться хочется. То же ж мне, голубь какой –

курлыкай да зоб выставляй. Раз другим похвастаться не можешь. Сколько мужиков её пользовало, что от неё, кроме презрения получишь...»

У него сбилось дыхание, и Глеб, на первой же поляне, сделал круг, восстанавливая его и по-прежнему разглядывая Люси, пытаясь переключить своё восприятие этой женщины.

«Ничем не брезгающая шлюха, наглая бунтарка, стерва... Так. Ласковая, заботливая, работающая. Уже лучше. Хорошая мать, сдержанная на слово, верующая. Ну, чем не жена-то? Не шоферюга – секретарь-референт. Зарплата у неё будет не намного меньше моей. Да, пособия на детей Корпорация неплохие предоставляет... А, вот дополнительная причина, почему Мэри хочет её замуж выдать! Одиноким матерям положены доплаты... Ох, менеджер ***...»

Он опять поехал впереди, а на следующей полянке, подождав Люси, резко развернулся, обдав её веером снега с головы до ног.

«Разозлится или сделает вид, что не заметила?» Он следил за ней с улыбкой.

Не отряхиваясь, Люси направилась к нему.

– Мне снег за воротник попал, – спокойно произнесла она, вытягивая шею. Тоненькая, как у подростка...

«Одной рукой задушить можно. Жилка бьётся у горлышка... Жаль, я не вампир...»

Он достал салфетку и аккуратно оттянув её воротник, промакнул кожу. Приблизив лицо, дотронулся губами.

«Ооооо, как же мне нравится её запах...» Волна чисто животного возбуждения прошла по его телу. «Тогда, когда я выдернул её из горящего блока, когда обнял... Я спасал её не как женщину – как солдата. Этот её запах... Поэтому-то она так легко и вытянула из меня Энергетику – так я тогда забалдел...»

– Ты не рассердилась? – спросил Глеб удивлённо.

– Не-а, – так же ласково ответила она, запихивая ЕМУ за воротник целую горсть снега.

Пока, он, ахнув, приходил в себя, она уже убежала, и Орлов опять рванулся за ней.

Он снова обогнал её и ждал на следующей полянке. А она всё не появлялась.

«Где же она?» Уже встревожившись, он вглядывался в деревья.

Резкий, сигнальный свист заставил его обернуться. Она шла по лыжне уже с другой стороны поляны.

«Обошла по лесу,» догадался он, снова пускаясь в погоню. «Ох, да, ведь и этому их учат...»

Теперь уже она стояла, поджидая его. Глазки – долу, а улыбка – Магдалины.

Он приблизился, чувствуя, что дыхание снова сбилось, но теперь уже по совершенно другой причине.

Она расстегнула молнию их курток, прижалась, подсунув руки внутрь, оглаживая, массируя его напрягшееся тело. Её шапочка пахла лавандой.

Очарованный нежною страстью её ласк, Глеб стоял, забыв обо всём на свете. Он даже не сразу сообразил тоже обнять её.

– Детка, – шепнул он. – А пониже?

Она послушно передвинула руки.

– Ох, умелица ты, а? – Он слегка застонал. – А сделаешь мне...

– Минет? – выдохнула она ему в ухо.

– Ну, киска, зачем так грубо? – отозвался он в том же тоне. – ``Рождественский подарок``, а?

– Новогодний тогда уж...

– Да всё равно! – Он уже рычал. – А то я тебя прямо на снег завалю...

Она присела на корточки, но тут Орлов, уже немного очнувшись, сообразил.

– Нет, да ну, а то, вдруг из деревенских кто увидит...

– Да... – произнесла она СЛИШКОМ невинным голоском.

Сдёрнув все его штаны вниз, до самых лыж, она толкнула его так, что он снова сел в сугроб, но уже с гораздо большим эффектом.

– Да ты... – Он просто подавился ругательствами.

– Лицемерить не надо, – парировала она холодно, спокойно уезжая прочь.

«Убью, тварь!» Глеб едва удержался, чтобы не догнать её, телепортировавшись наперерез. «Нет, не сдамся!» Он припустил за ней следом.

Досада и на неё и на себя опять сбили его дыхание. Сосредотачиваясь, Глеб видел только лыжню, и то скорее чувствовал её. Его разум не сразу осознал новые звуки, совершенно неожиданные в зимнем лесу.

Он остановился, удивлённо прислушиваясь. Медленно поехал вперёд. И замер.

На ослепительно сверкающей полянке, залитая лучами полуденного солнца, Люси терялась в блеске света идущего и с небес, и отражённого от кристалликов снега.

Она пела «Santa Lucia». Пела на итальянском. Её мелодичный, сильный голос заполнял лес, гармонируя с сиянием, которое, казалось исходило от неё самой, словно от ангела, спустившегося на землю.

Глеб даже не помнил, как он приблизился. Их глаза встретились.

– Я не могу войти в храм, – прошептал Демон Смерти. – А в Рай меня не пускают...

– Ты сам не хочешь войти... – возразила она.

– Тётенька! – услышали они юный голос и, оглянувшись, увидели стайку местных подростков, тоже на лыжах. – Это вы щас пели?

– Да, – Люси кивнула.

– Во вишь! – девчушка развернулась к друзьям. – А ты говорил – «Радио, радио!»

Они поехали дальше, а Люси направилась к скамеечке. «Ух ты!» удивился Глеб. «Мы, оказывается до «скамейки признаний» добрались... Я или она пошли именно по этому маршруту? Я же три разных трассы проложил...»

Люси сняла рюкзачок, достав термо-подстилку, постелила на лавку.

Даже по зимнему времени, скамейка оставалась популярным местом встреч – протоптанная дорожка вела назад, к деревне, площадка расчищена и утрамбована, кострище затушенный – явно вчерашний.

Следя за реакцией Люси, Орлов зажёл огонь Энергетикой.

– Да ладно выпендриваться, – спокойно отозвалась женщина. – Пойди, поешь.

Она уже достала два термоса. Один с какао, поставила на его стороне, себе, с кофе – на своей. А ещё она вынула термо-контейнер.

– Валентина Макаровна напекла пирожков с утра пораньше, – объяснила Люси. – Сказала: «Глебка, наверняка, проголодается! Не сожрал бы тебя в лесу невзначай.»

Глеб сел, растерянно взял ещё горячий пирожок, хлебнул какао с его любимым привкусом корицы.

– Какая же у тебя мама заботливая! – произнесла Люси с лёгкой завистью. – Хотела б я быть такой матерью для Даниеля. Да, видно, не дадите вы мне это.

– Почему? – удивился Орлов.

– Я не пойду за тебя замуж.

– Что? – Он даже жевать перестал.

– Принуждают тебя, бедняжку, а? – продолжила молодая женщина саркастически.

– Меня-то Мэри Даниелем не за горло – за сердце держит! А тебя за какое место? Но пусть уж лучше Даниель с ней останется. Её муж преклоняется перед ней. Пусть мой сын видит уважительное отношение к женщине, а не такое, что сегодня за завтраком!

– Да ты ж – б***! – Глеб уставился на неё. – Как ты смеешь даже сравнивать себя с Мэри!

– Ах, да! – Она демонстративно всплеснула руками.

– Ты-то ж у нас – ангел! Я на Земле живу чуть больше двадцати двух лет. А ты сколько? Сколько за эти тысячелетия ты баб перетрахал, да, как от слуг слышала, и парнями не брезговал! Каков Хозяин, таков слуга. На хозяйскую жёнушку зариться – я даже Джерри презирала за это! А тебя – видеть не могу! Катись на х**!

Она взяла свой термос, положила лыжи на плечо.

– Я не буду огорчать Валентину Макаровну! – заявила Люси. – Она не виновата, что её сын в обоих ипостасях – мерзавец и убийца! Ни слова не скажу, но на брак со мной не рассчитывай!

Она ушла по дорожке, а расстроенный Глеб в ``гордом одиночестве`` съел все пирожки, после чего телепортировался назад, в усадьбу, на задний дворик.

Валентина Макаровна и Олег Петрович ушли к кому-то в гости, Энн, завернутая в тёплый мягкий плед, спала на диванчике в гостинной.

Рон возился, укладывая Даниеля. Мальчик крутился на кровати, хныкал, прикладывался, тут же снова садился. Он отгалкивал Рона, но, когда заглянула Люси, тут же залез ему на руки. Мужчина вздохнул и перешёл с ним обратно в гостинную.

– Видишь? – Он показал мальчику на спящую девочку. – Энн спит. Тебе тоже надо отдохнуть...

– Давай я! – Глеб как раз вошёл в комнату. Люси смотрела, замерев.

«Ведь он может сделать, что мой сын никогда не проснётся,» с ужасом подумала она, даже забыв блокироваться от него.

– Я никогда не буду шантажировать тебя ребёнком! – возразил Орлов на её мысли. Дэн охотно перешёл на его руки, подозрительно поглядывая на Люси.

– Это – мама! – Глеб не подходил к ней, но давал мальчику возможность рассмотреть женщину. – Мама любит. Мама потом посидит с тобой. Мама – хорошая.

– Пааа, – простонал Дэн, утыкаясь Глебу в шею.

Он унёс малыша в спальню, вернулся, перенёс Энн, и, снова войдя в комнату, сел за стол, не глядя на Люси.

– Суп будешь? – произнесла она очень ровным голосом.

Он кивнул.

– Я уже обедал, – Рон вышел из комнаты, оставив Орлова с Люси.

Она налила суп из горшка, подала хлеб и квашеную капусту. – Картошки хочешь?

– Да нет, спасибо, я пирожками наелся. Так, мягонького хочется.

Люси поставила возле него кружку с квасом и тоже села за стол.

Подперев кулачками острый подбородок, она разглядывала Глеба.

– Дэн привык ко мне больше, чем к кому-либо, – Орлов взглянул ей в глаза. – Дай нам всем шанс. Пожалуйста.

– Посмотрим, – шепнула она.

Глава 2

Четыре дня было у Глеба.

Четыре коротких дня уговорить Люси примириться с приказом Мэри.

«Тоже мне, ``Красавицу и Чудовище`` разыгрывать надо!» с досадой думал Глеб, раскатывая снег во дворе.

Он делал это вручную, только изредка помогая себе Энергетикой. «Пока не упадёт последний лепесток. А у Дэна – характер крутой. Хрен с ним справишься, когда подрастёт. А все претензии мне будут – ``отец``, мол. Дьявол, вот пиковая ситуация-то!»

Вдруг от новой мысли он буквально замер на месте.

«Я ведь выйди она за меня замуж – изменять мне не будет...» вдруг осознал он. «Своих-то людей я знаю...»

Волна нежной благодарности прошла по его душе, но тут же ледяное уточнение сбilo настрой. «Вот именно, ЕСЛИ выйdet.»

Плюнув, Глеб снова взялся за лопату.

* * * * *

Когда Валентина Макаровна вышла из спальни, Энн под присмотром Люси уже сидела за столом, рисуя на специальной машинке для детей. Бабуся заглянула.

Девочка возила пальцами по экрану и оставляла полосы. Внизу располагался ряд с кнопками разных цветов. Когда девочка нажимала, полосы, которые она проводила, становились соответствующего цвета. Наверху шли три ряда картинок: личики, зверюшки, деревья, бабочки, бантики, звёздочки.

Время-от-времени Энн нажимала на них, и картинка появлялась на экране. Девочка могла передвигать её, раздвигая или сжимая, менять размеры. Но чаще всего она растягивала картинку во весь экран, смотрела несколько секунд, а потом с выдохом, удаляла её, ухая при этом, совершенно как обезьяна.

– Чё только не поизобрели! – Валентина Макаровна покачала головой. – А чё, карандаши никак ужо?

– У неё есть мелки, – объяснила Люси. – А карандаши – она уж очень эмоциональная, да и сильная – бумагу прокалывает, а потом злится. Гувернантке руку, как ножом, пырнула. Боятся, как бы себе глаз не выколола. А краски пытались давать – она их либо расплёскивает, либо просто размазывает и орать начинает, пока не отмоешь.

– Избалуют девку, – с грустью отметила Валентина Макаровна. – А жаль. Такая крепенькая, тьфу-тьфу-тьфу, на ней пахать можно будет, когда подрастёт!

– В папочку своего. – Люси хмыкнула. – Мы с ним потОм поженились. Да Машку он так позабыть не мог. Сколько раз во сне звал! В пьяном бреду только о ней и говорил...

– Ох, ты, девуленька... – Бабка ласково погладила Люси по голове, а та взглянула на неё с горечью.

– И погиб он из-за неё же! – Люси говорила уже сквозь слёзы. – Она могла его спасти – не стала. В прямом смысле – концы-в-воду. Да, может и лучше... Всё равно мы развестись собирались...

– И с Глебкой, значит, боишься, то ж такое и будет? – Мрачно уточнила Валентина Макаровна, садясь за стол напротив Люси.

– Знаю, что будет, – отозвалась та тем же тоном. – Да и он знает.

– А вить Марья Михална вроде как добрая... – произнесла бабка задумчиво. – А у Глебки неприятности будут, если уломать тебя не сможет?

– Ещё какие! – Гонзалес вздохнула.

– А ведь он мне жизнь спас... Облудился он здорово тогда. И так проблемы с этим были, а теперь – вовсе беда! Ах, Валентина Макаровна! И так я себя виноватой да перед ним себя обязанной чувствую, но ведь душа переворачивается, зная, что он не меня, а ЕЁ любит!

– А с Машкой говорить пыталась?

– Да... Она считает, что раз она не с Глебом, я – самая подходящая жена для него. Да и Данилка-то его любит. Я поняла, он, Дэн, болел очень долго. Женщины: нянечки, медсёстры – постоянно кто-то другой. А если кто-то новый – значит боль, уколы, капельницы, массаж, другие неприятные процедуры...

Люси покачала головой.

– Я для него сейчас – такая же. Одна из них. Я даже не знаю, если он понимает слово «мама»...

– Ну, это мы попробуем ему истолковать... – Валентина Макаровна решительно поднялась.

* * * * *

За завтраком Глеб сидел с растерянным видом, односложно отвечая на вопросы.

– Люсенька, – обратилась Валентина Макаровна. – Сходи, отнеси Юркиной семье наш пирог, они приглашали... А то Глебку никак не приловлю. Вот может хоть ты его за шкирман дотащишь?

Люси едва сдержала улыбку – с таким наивно-удивлённым видом Глеб взглянул сперва на мать, а потом на неё.

– А мы пока с Нюрой кой-чего смастерим, – бабка обратилась к девочке. – Хочешь?

Та захлопала в ладоши, ухая и повизгивая.

* * * * *

Люси и Глеб шли рядышком по деревне.

Орлов понял задумку матери; действительно все деревенские приветствовали его с радостным уважением.

Вежливо здоровались с Люси, с любопытством оглядывая её. Глеб просто говорил: – Людмила Ароновна. Моя коллега.

Потому что он читал мысли Люси, а та думала, не блокируясь: «Только посмей назвать меня «невестой» – при всех в рожу плюну. Я ж – б*** и стерва, а?»

Дождавшись паузы, Орлов обратился к ней: – Ну, прости! Прости!

Он нервно закурил.

– Просто трудно переключиться...

– А мне легко? – ответила она горестно, глядя ему прямо в глаза.

– Я... – Он замялся.

– *Ты!* – выделила она голосом. – А в семье нельзя использовать только это слово. Только **МЫ**. Вместе.

– Что, будем притворяться перед Мэри, что мы счастливая семейка? – хмыкнул он саркастически.

– А нужно обязательно притворяться? – Она положила ему руку на плечо.

В другой она держала пирог.

– Девочка... – Глеб смотрел на неё, физически ощущая её душевную боль.

– Мы не можем любить друг друга. – Люси вздохнула. – Но мы можем быть партнёрами. Друзьями. Мы были соратниками. Мы вместе спасли твою ё*** Мэри! Лучше б ты дал мне сгореть там... – Она отвернулась.

– Нет, нет, девочка... – У Орлова душа перевернулась.

Так чётко он вспомнил, как она, тогда, упала ему на грудь... Задыхаясь, глаза закатаны, губки приоткрыты... Словно она готова заняться с ним любовью.

«Бред какой...»

– Я... – Он решительно перевёл дыхание. – Я не стыжусь тебя. Ты... Да, я эгоист. Но только ты понимала меня. Только тебе я мог ``поплакаться``. Да, расставим точки над i. Мэри строга и к себе и к другим. Но она права... Всегда права. Ты, наверное, действительно, единственная женщина на Земле, кто может выдержать меня в качестве супруга... Я постараюсь быть хорошим мужем. Ты же знаешь, я не могу врать. – Он подмигнул. – Где ты ещё такого муженька добыть сможешь?

– Мда? – Она снова пошла вперёд, кокетливо бросая на него взгляды через плечо. – Докажи! Три дня у тебя осталось!

– Сука ты, – произнёс он восхищённо. – А сегодняшний ты не считаешь?

– Да, он уже прошел до половины! – Она показала ему язык, но в такой манере, что у Глеба перехватило дыхание от возбуждения. – А день отъезда, тоже считай не в счёт...

«Какая же она красавица!» Орлов шёл за Люси, любуясь ею. «А ведь... Действительно, когда я последний раз был женат так, по-настоящему? Дьявол, даже не вспомнить... Так, чтобы жена, с которой можно пойти куда-либо. Или гостей пригласить... Рон с Даниелем поможет...»

* * * * *

Юркина семья встретила их с восторгом.

Его сестра, Алька, как раз приехала из Города на зимние каникулы.

Оленька, позволила Глебу себя обнять. Юркина мама расцеловала Орлова, как родного брата и даже промакнула выступившую у неё слезинку.

Все взглянули на Люси.

– Людмила Ароновна, – произнёс Глеб очень сдержанно. – Мама Данилки.

– Как он? – жалостливо поинтересовалась Юркина мать.

– Спасибо, – отозвалась Люси, выкладывая пирог. – Вот, Валентина Макаровна кланяется. С Новым Годом вас!

Все уселись за стол.

«Только квас и молоко... А, вон компоты какие-то...» заметила Люси. «Ничего спиртного! Ах, какое уважение к господину Орлову! Знают, что он – ``кодированный``.»

Хозяева наперебой рассказывали о местных новостях и событиях.

– А вы, что думаете об организации здесь турбазы? – уточнил Глеб.

– Мнения очень разделились, – объяснил Юрка. – Если уж делать, может семейного типа? А то понаедут такие, вроде Артура Дариусыча.

– А Марья Михаловна? – не выдержала Алька.

Глеб взглянул на Люси, а у той сверкнули её кошачьи глаза.

«Скажи САМ,» думала она специально для него. «А то я скажу. По-своему.»

– Мы расстались... Не сошлись характерами...

– Если захотеть – всегда сойтись можно, – возразила Люси.

– Извините, – Глеб вышел не только из-за стола – из комнаты.

На крыльце Орлов хотел закурить, но в его руке возникла бутылка водки.

«Даже не коньяк...» невольно отметил он.

– Дядя Глеб! – услышал он голос Юрки.

Тот выхватил у Орлова бутылку и швырнул в снег, словно гранату.

– У меня батька пил, – напомнил он с горечью. – Не губите вы себя, Бога ради!

Глеб передёрнулся.

– Если б тебя Оленька бросила, – огрызнулся он. – Ты б, небось, ваще по-чёрному запил!

– Нет, – тот ответил твёрдо. – Я – мужик. Проблему в водке не утопишь.

Глеб закурил.

– А эта... – Юрка тоже достал сигареты. – Людмила-то... Она, что, в колонии была?

– С чего вдруг? – Орлов пристально взглянул на молодого человека.

– Да у нас, в Вишнёвке-то, пара бабёнок отсидели. Так вот, когда только вернулись... Одна вот с таким затравленным взглядом как раз ходила. Долго, потом уехали обе. Та, другая, спилась, говорят. А о той так ничего не знаем...

– Она замуж вышла, – машинально ответил Глеб. – Не очень удачно...

Он тихо выругался.

– Да ладно, дядя Глеб! – хмыкнул Юрка. – И так мы все знаем, что вы человеком только прикидываетесь.

– Вот именно! – Орлов вздохнул. – Ну, и как мне уговорить Люси за меня замуж пойти? Вы-то меня только с одной стороны знаете, а она и с другой половиной моей ипостаси знакома!

– Ха! – Рассмеялся Юрка. – А то мы дураки деревенские, а? Раз у вас такой босс... А он, чё, настоящий Дьявол или помельше кто?

– Гораздо `мельше`, – Орлов тоже засмеялся.

– А Людмила-то, вам, что ль, совсем не нравится?

– Не знаю... – признался Глеб. – Сам не пойму. Она, б*** – умелая, гомика соблазнит, у импотента поднимет! Да ведь она непредсказуемая! Психопатка просто. С ней же страшно куда-либо пойти будет!

– А из-за чего? – задумчиво проговорил Юрка. – Вот сейчас, например. Мне показалось, она ждала от вас... ну, не знаю. Нежных слов что ли... Ласки?

– Да я... – Орлов растерялся. – Как-то даже не думал. В голову не приходило...

– Знаете, дядя Глеб, – признался Юрка. – Иногда мы с Оленькой просто сидим, обнявшись, кино там смотрим. А то и просто на огонь... Или в окно. А вам её, Людмилу-то, как, не жалко?

Глеб молчал, а молодой человек слегка нахмурился.

– Ой, сдаётся мне, что вы тогда остались не потому, что пожалели нас, – критически ухмыльнулся Юра. – Что, с боссом поругались? Понятно...

Он вернулся в дом, а Глеб застегнул куртку.

Выскочила Люси.

– Что, что ты ему сказал? – Она схватила Орлова за рукав. – На парне лица нет!

– Отстань! – буркнул Глеб, выдёргивая руку. Он спустился с крыльца и направился к калитке, на выход. – Ну, и пусть Мэри меня в Ад отправит! Не знаю я, что тебе сказать!

– Глеб! – Она догнала его уже на улице. – Ну, какой ты дурачок! Только убивать, действительно, можешь... Да стой же, мудака!

Он остановился и засмеялся. Они обнялись. Нежно.

В первый раз так, как хотелось им обоим. По-дружески.

– Лапушка ты... – Он погладил ей шею под волосами, поправил сбившуюся шапочку.

– Ох, Глеб, Глеб. – Она потёрлась об него лицом, как кошка – мордочкой.

* * * * *

Когда они вошли в дом Орловых, мать Глеба сидела на диване, в центральной комнате, а Рон, с Даниелем за руку, стояли недалеко от входа, чуть в стороне.

Валентина Макаровна поманила сына к себе.

– Садись-ка рядом! Давай попробуем!

Глеб увидел – Энн держала в руках, баюкая, самошитную куклу.

«Уж каких только `барбей` у неё дома нет!» удивился он. «Никогда не любила... А в тряпичную вон как вцепилась...»

Рон показал на Валентину Макаровну. Та обняла Глеба.

– Мама! – объяснил Рон Даниелю. Тот смотрел очень внимательно.

– Мама! – Рон показал на Энн.

– Мама! – подтвердила она, покачивая куклёрку.

– Мама! – Рон указал на Люси.

Даниель взглянул ему в лицо, оглянулся на Глеба.

Тот кивнул. – Мама! Подойди к ней.

Рон отпустил руку мальчика. Тот ещё раз посмотрел на Глеба, неуверенно шагнул в сторону Люси. Ещё пол-шага.

«Только не шевельнуться,» приказывала себе женщина, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не сгрести сына в охапку, прижать к себе... «Только не спугнуть.»

– Ма-а-ма... – напевала Энн.

– Иди, иди к мамке! – подтвердила Валентина Макаровна.

Даниель приблизился и неуверенно, но обнял Люси.

Женщина подняла голову, и её глаза встретились с пристальным взглядом Глеба.

«Ты победил,» подумала она, закусывая губу, а Демон Смерти самодовольно ухмыльнулся.

* * * * *

Ангел Смерти бесшумно возник в спальне. Он прежде всего погрузил Люси в максимально возможный глубокий сон. Женщина не решилась лечь к сыну под бок – прикорнула в ногах постели.

Рон, на раскладушке рядом с кроватью, мгновенно проснулся и сел, неодобрительно покачивая головой.

Глеб склонился над Люси, внимательно разглядывая её.

– Уломал я девку! – Он хмыкнул, проводя пальцем по её щеке.

Женщина передёрнулась.

– Не нравится? – удивился Глеб.

– А ты вообще хоть попробовал поинтересоваться, что ей-то нравится? – Рон поднялся и буквально телом своим отодвинул Орлова. – Ты мне не начальство больше. А я – отец её названный! То, что она – твоя пленница, не даёт тебе права презирать её. Не позволю я тебе обижать её ни в этом мире ни в том!

– Да ладно тебе, – растерянно отозвался Глеб. – Вот беда-то! Я же вроде и с пленницами и с рабынями всегда хорошо обращался...

– Она через себя переступает! – Рон смотрел на ту, которую он по-прежнему называл Бренда. – Поухаживал бы за ней, хоть для виду-то!

– Мэри позлить? – Орлов покрутил в руке снова возникшую пачку сигарет.

– Ты знаешь, что я всегда очень холодно относился к ней, – напомнил старший демон своему брату. – А за Джерри – лично б за волосы оттаскал, да на недельку б на цепь посадил! Настралась она, а? Да Бренда через такое прошла, что Мэри только в кошмарах и то не снится! И теперь ещё тебя, мерзавца, навязали ей! Что ты с ней делать будешь? Скелеты дарить? В крематорий водить – чай пить?

– Ну и подскази сам! – огрызнулся Глеб. – Мне Ядвига руки отбила! Пару раз ей, может угодил, и то, когда сам не ожидал!

– Ох, дуралей ты... – Рон вздохнул. – Ну, хоть цветы подари для начала.

– А она меня этим букетом – по морде? Да ещё, хорошо, если не при всех!

– Вот и постарайся заслужить у неё такое чувство, что б она так не делала! Хоть раз она обмолвилась кому о ваших беседах душевных? Я и то бы не знал, не скажи ты! Ещё стыда у тебя хватает хвастаться! А девчонка тебя под пыткой-то и то не выдала бы.

Орлов снова взглянул на Люси. Лёжа на боку, она прижалась спиной к металлическим прутьям спинки кровати, словно бездомная собачонка прикорнула под забором.

«Мэри ко мне сразу примчалась, аж голой,» вспомнил он. «Когда я ей, спящей, лилию на грудь положил... Может и сейчас сработает? Даже Ядвига не обижалась, я же ей цветы регулярно присылал... Хотя кто эту психопатку знает...»

Он подумал, поколебавшись, добыл из Подпрастранства маленькую фиолетовую астру и положил её так, чтобы лепестки слегка касались лица женщины.

– Люси... – прошептал он, впервые ощущая новое, странное, мучительно-тянущее за душу чувство. – Люси Гонзалес... Ты вечно будешь для меня Люси Гонзалес...

* * * * *

Глеб спал на диване в центральной комнате, но мгновенно проснулся, когда вошла Люси. Для человека она двигалась совершенно бесшумно, и её крохотный армейский фонарик давал узкую полосу света, почти как лазер.

Она приблизилась к дивану.

– Я знаю, что ты не спишь... – прошептала она.

Глеб открыл глаза. Люси вздрогнула, но по-прежнему улыбалась.

– Ты боишься меня, – он отметил грустно. – Не угодил я с астрой? Или не угадал?

– Подвинься, – она велела чуть слышно.

Он послушался. Люси поставила фонарик на тумбочку рядом, и забралась ему под одеяло. – Мне холодно.

Глеб обнял её так, как обнимают раненых или больных, когда ничего другого сделать не можешь. – Думаешь в `холодных объятиях Смерти` тебе будет теплее?

– Не знаю. – Она разглядывала его.

– Может переберёмся на печку? – предложил он, уже улыбаясь.

Они так и сделали, и снова обнялись.

– Мне сон приснился, – призналась она. – О нашей с тобой свадьбе. Ты был в парадной форме, у меня – букет астр...

– И ты отказала... – перебил он её. – бросила цветы. Хотела убежать, но кто-то схватил тебя. И это была Мэри.

– Это ты мне такой сон навеял?

– Ты правильное слово употребила, – вздохнул он. – Я могу только `задать тему`, а дальше работает подсознание человека... Неужели я настолько противен тебе?

– Мне противно твоё отношение ко мне.

– Я же... Я же стараюсь... Правда.

– Спасибо тебе, я чувствую это... – Она приласкалась к нему. – Именно поэтому я и пришла. Я вру, что не ревную. Я очень ревную. И поэтому я понимаю тебя.

– Я бы никогда не женился на Бренде, – ухмыльнулся тот, кто когда-то пользовался телом Роджера Сатани. – Но, как Глеб Орлов, Начальник Охраны, я даже польщён, что вдовушка Франсин Тремблей соизволила избрать меня своим следующим супругом.

– Следующим? – она тихо рассмеялась.

Они ласкали друг друга, но так нежно и естественно, что даже сами не замечали этого.

– Конечно, – он уточнил опять грустно. – Моё тело оказалось с гораздо меньшим жизненным потенциалом, чем я ожидал. Хотя, честно говоря, предыдущий хозяин над ним вдоволь поиздевался. А мне расхлёбывай. Курить не могу бросить. Запой ещё будут. На иглу бы не подсесть! Не могу я столько Энергетики изводить, чтобы просто поддерживать все функции в рабочем состоянии!

– Бедненький, – она протянула искренне. – Но я же тоже пила... До сих пор. Не курю только из-за Даниеля. И наркотики ты знаешь, чуть ли не все перепробовала.

– Вот-вот. – Он даже хихикнул. – А лет до девяноста протикаешь. А мне-то тело придётся менять пораньше.

– Это больно?

– Рождение – самый болезненный процесс в жизни любого животного.

– А откуда ты тела берёшь?

– Самоубийцы. Тяжелее греха нет.

– Крадёшь, в общем, – констатировала она. – Да, смерть самый ловкий вор – даже дитя из объятий матери возьмёшь – она и не заметит.

– Ты не можешь забыть, кто я?

– А ты не можешь забыть тех мужчин, которые...

– Да! – рыкнул он, заваливая её на спину.

– Господин Орлов! – перебила она холодно. – Вы с кем разговариваете?

– Аааааа, – протянул Глеб, уже снова улыбаясь. – Мадам Тремблей...

– Вот именно! – Она ловко выскользнула из-под него и, соскочив с печки обернулась.

Их лица оказались на одном уровне – она стояла на скамеечке.

– Советую, господин Орлов, не забывать, в чьём доме вам позволит жить Главный Секретарь-Референт Корпорации! Если позволит...

По-девчоночьи показав язык, она убежала в спальню.

– Сзучка, – прошептал он восхищённо.

* * * * *

Сегодня было гораздо теплее. Всё небо затянула плотная пелена облаков; даже что-то вроде тумана наполняло Вишнёвку.

Захватив Энн, Глеб отправился обходить друзей и знакомых, а Рон и Люси остались с Даниелем и играли во дворе.

– Тебе надо привыкать, что тебя будут звать ``Франсин``, – уточнил Рон. Он специально употреблял её имя почаще, по поводу и без повода, даже просто напевал.

– О, Рон... – Женщина отёрла слезу. – Третий раз ты даёшь мне жизнь!

– Ах, ты, дуручка маленькая, – Он обнял её, а Даниель внимательно наблюдал за ними.

* * * * *

Они лепили снеговика.

И, теперь уже так называемая Франсин, поняла задумку остальных. Действительно, взявсь со снегом, помогая, Даниель несколько раз, не то что бы обращался к новоприобретённой матери, но хотя бы не шархался, подавая ей палочки и угольки для украшения. Даже сбегал за морковкой для носа!

Когда он вернулся и, с не по-детски серьёзной мордашкой, протянул ей морковь, женщина снова еле удержалась, чтобы не схватить его в охапку...

Мальчик протянул руку к ней, но сам смотрел в сторону.

«Он испугается, если я обниму его,» понимала она, а вслух просто похвалила его; – Спасибо, Дэн! Настоящий мужчина.

– Мамин помощник! – Рон одобрительно похлопал мальчика по спинке, а тот доверчиво поднял на него глаза.

– Маме всегда надо помогать! – Мужчина показал на замерзшую Франсин. – Мама – хорошая.

Женщина воткнула морковку вместо носа.

– Подай ещё угольков, – произнесла она, специально не глядя на сына.

Но, когда он деловито пошёл к горке угля, насыпанной в сторонке, она не могла оторвать от него глаз.

«Люси, Франсин...» думала она. «Да хоть крокодилом зовите... Только не отнимайте его у меня... Не отнимайте снова...»

* * * * *

Время приближалось к обеду, когда вернулись Глеб с Энн Чёрнсын.

Казалось – девочка вообще не знает, что такое усталость. Увидев снеговика, она вырвалась из рук Орлова, подбежала и устроила вокруг пляску с прыжками, уханьем и повизгиванием, словно настоящий дикарь – вокруг божка или тотема.

Дэн попятился и прижался к Рону, но, когда Глеб тоже приблизился – кинулся к нему.

– С мамой слепили? – Орлов присел на корточки и потискал мальчика.

– Молодцы!

Он бросил на женщину быстрый взгляд – та смотрела на них с явным выражением счастья на лице.

– Конечно, *ФРАНСИН* – молодец! – подчеркнул Рон.

– Да-да, Франсин, Франсин, – Глеб кивнул. Он снова обратился к мальчику.

– Твой отец был солдат. Я – солдат. Ты хочешь быть солдатом?

Мальш кивнул, с восхищением глядя на мужчину, но Франсин слегка нахмурилась; Глеб дал Даниелю палку и поставил его руки так, словно тот держал винтовку.

– Бах-бах! – воскликнул он. – Снеговик мёртв!

Он засмеялся, малыш тоже улыбнулся, и они хлопнули друг-другу ладоши. У Франсин дыхание остановилось.

Орлов снова взял мальчика за руки и с криком: «Коли!» ткнул в снеговика. Даниель засмеялся.

– Прекрати! – завизжала Франсин. Даниель уронил палку и тут же, испуганно оглядываясь, забрался на Глеба.

– Дура! – тот крикнул на неё по-русски. – Ты чё дитё пужаешь-то?

– Ему двадцать месяцев! – Женщина топнула ногой.

– Да мы ж в войну играем!

– Вот именно... – Франсин отвернулась и, пошатываясь, вошла в дом. Глеб растерянно взглянул на Рона, а тот только головой покачал.

– Да, братец, «начинай сказку сначала».

Он позвал Энн и увёл девочку в дом, а совершенно недоумевающий Орлов-младший последовал за ним, с Даниелем на руках.

«И что я опять сделал не так?» думал Глеб расстроено.

Глава 3

За столом Валентина Макаровна хоть и кормила Энн, но сразу заметила ``непорядок``.
– Люська! – Она неодобрительно покачала головой. – Как ж ты ноги таскаешь? Аль стряпнёй моей брезгуешь?

– Да нет, что вы! – тихо отозвалась молодая женщина. – Я же суп съела...

– Детскую чашку! – Бабка всплеснула руками. – Нюрка и то больше ест! Глебка, что ль, обидел?

Орлов-младший даже жевать перестал и переводил взгляд с матери на Франсин, а та сидела бледная, не поднимая глаз.

– Олег Петрович, – заговорила она снова. – А когда вы стали брать Глеба на охоту?

Старик растерянно задумался.

– Дык, – Он налил себе водки. – как за гривку лошадки держаться смог... Гнедик у нас тогда ещё жив был. Славный коняшка был. Да, вот!

– Нет, по-настоящему, – настаивала Франсин. – Ну, так, с ружьём?

– Лет в пять? Помнишь, мать? – Обратился он за поддержкой к жене, но та только плечами пожала.

– Нюрка спит.

– Я отнесу её... – Глеб поднялся.

– Сиди уж! – Бабка махнула на него рукой и унесла девочку.

Глеб снова сел, задумчиво жуя луковицу.

– Олег Петрович, – Рон тоже вышел из-за стола. – покажите мне там, в гараже, кое-что, лады?

Мужчины вышли, а Глеб с Франсин вместе пошли укладывать Даниеля.

Энн всегда днём укладывали отдельно, и сейчас в спальне они были только втроём. Мальчик жался к Орлову, хныкал.

Глеб довольно грубо оторвал от себя малыша и положил на кровать, приказав: «Лежать!»

– Что он тебе – собачонка? – окрысилась на него Франсин. – Небось Артуру так не смел говорить!

– Артур был ласковый и послушный! – возразил Глеб. – А сейчас у Даниеля идёт выяснение правил окружающего мира. Он должен понять, что есть слово ``нельзя``! Или хочешь бандюгу вырастить, как твой муженёк?

– А ты чем лучше? – прошипела она. – Тоже – убийца и вор!

– Значит тебе не привыкать! – Он криво ухмыльнулся. – Да, ты, б***, лучшего и не заслуживаешь!

– Ну, дорогой мой, – Франсин бросила с вызовом. – Вот специально выйду за тебя замуж и буду гулять в открытую! Пусть в тебя пальцами тычут – раз козёл, ну, и ходи с рогами!

Она пыталась уложить сына сама, но тот оскалился, как крысёнок, кусался и отбивался совершенно не по-детски, а его кошачьи глаза и длинный, уже слегка горбатенький нос, придавали ему облик злобного гномика.

Глеб плюнул и вышел, а Франсин пыталась бороться с сыном.

В конце-концов, она сдалась и, зарыдав, уткнулась в ладони.

«Так мне и надо,» думала она. «Да, Бог не наказывает за грехи – мы сами себя наказываем...»

Она слышала – малыш притих.

Взглянула – он сидел, прижавшись к стенке, внимательно разглядывая её.

Франсин сползла на пол, отведя глаза, почти уткнувшись в постель, прошептала: – Дэн, лапушка, ложись! Ты же взрослый... Ты... солдат... Как папа... Как Глеб... Дисциплина должна быть...

То, что он после *ЭТОГО* послушался и осторожно забрался под одеяло, ранило женщину даже больше, чем его предыдущее сопротивление.

«Он – *ИХ!*» мучительно билось в её голове. «Он **ТАК** привязан к **НИМ!!!** Нет, не сдамся! Буду бороться!»

Даниель заснул почти мгновенно, а Франсин долго сидела, глядя на него и перебирая различные варианты.

«Нет, придётся пока примириться... Нельзя Мэри злить... Там разберусь...»

Она вышла в центральную комнату и обмерла: Глеб сидел за столом один, левой рукой обнимая бутылку домашнего самогона, а в правой – стакан.

И даже никакой закуски...

– Ты ж кодированный...

– Что мне ампулу удалить трудно? – огрызнулся он. – Иди на...

Она села напротив.

– Чё лупишься? – Глеб уставился на неё, оскалившись, словно тигр, которому хвост прищемили. – Чё ж от своего выб*** убежала? Добилась, получила – ну и сиди с ним!

Он снова выпил. Франсин не могла поверить глазам.

Джерри-Альберто, когда срывался и, ``прогуляв`` всю ночь, возвращался под утро вдрызг пьяный, только умолял простить его и говорил непрерывно о своей любви к Мэри. А сейчас она даже не знала, как реагировать.

– Что, думаешь, я на нашей свадьбе напьюсь? – Глеб подмигнул. – Давай тут отметим? Никого не удивит мордобою на свадебной гулянке...

«И как я с ним собираюсь жить?» ужаснулась Франсин. «... в одном доме?»

– Я тебя Богом прошу... – начала она.

Дико ругаясь, он вскочил. Со злобой толкнув стол, опрокинул его, и только тренировка спасла Франсин. Она едва увернулась от падающей на неё тяжелой столешницы. Как раз вошли Рон и Олег Петрович.

Продолжая испускать проклятия, Глеб стоял в лопнувшей рубашке, распахнув, хлопал чёрно-зелёными крыльями, сшибая окружающие предметы.

Рон всплеснул руками. Олег Петрович, бледнея, перекрестился, и демон плюнул огнём. Столешница задымилась...

И тут в комнату вбежала Валентина Макаровна.

– Глебка! – крикнула она сердито. – Ах, ты нечисть! А ну, не бАлуй!

Он ахнул, крылья втянулись, и Орлов-младший стоял с растерянным, виноватым видом.

– Мамка... – простонал он со слезами в голосе.

– Ой, дурак ты, дурак...

Она обняла его, отвела к диванчику. Они сели рядом, и он, рыдая, уткнулся ей в плечо. Бабка шептала ему что-то ласковое, оглаживала, целовала голову, а он прижимал её руку к лицу, бормотал, путая языки и всхлипывая.

Рон поднял стол, а Олег Петрович, молча, хмурясь, собирал разбросанные вещи.

Не чувствуя под собой ног, Франсин еле добрела до кровати, где Даниель так и спал. Она не села – упала рядом. Вцепившись в покрывало, замерла, глядя на сына.

«Это даже хуже, чем я предполагала,» думала она в отчаянии.

* * * * *

Вошёл Глеб. Она вздрогнула.

– Прости, пожалуйста, – пробормотал он, не поднимая глаз, совершенно трезвым голосом. – Ты права. Я ничуть не лучше твоего недоделка-муженька. Мне жаль, что тебе такие

ублюдки, как мы, достаёмся. Ты, правда, достойна лучшего. Я обещаю... стараться контролировать себя. Я не могу гарантировать!

Он закусил губу. Женщина молчала.

– Ну? – настаивал Глеб. – Франсин?

– Камень, что топит меня, просит прощения! – отозвалась она тихо. – Да, палач обычно говорит жертве: «Прости, работа такая...»

– «Прости, работа такая!» – повторил он саркастически.

Она подняла на него свои кошачьи глаза, сейчас блестящие от слёз.

«Прямо как «моя» тигричка-дочка!» у Глеба снова душа перевернулась.

– Девочка моя милая, – прошептал он, садясь с нею рядом на пол и обнимая её.

Она прижалась к его, такому сильному, огромному телу, словно чайка, прячущаяся от шторма «на груди утёса-великана».

«Сможем, сможем,» крутилось у неё в голове. «Я смогу...»

«Ублюдок я, проклятый ублюдок,» думал он, «читая» её мысли. «Заложников брать – такая подлость... А я рад... Я рад! Она никуда не денется... Не решится сбежать... Она – моя! Моя...»

* * * * *

Второго января состоялась совместная поездка на лыжах в лес, неудачный визит к Юрке и астра были третьего, злополучный снеговик и срыв Глеба произошли четвёртого... И вот уже пятое января!

Хотя, фактически, задание Мэри было выполнено; Глеб и Люси-Франсин примирились с неизбежностью жить вместе. Сегодня она ознакомилась с ещё одним отличием Глеба от Джерри.

Когда Джерри напивался, на следующий день он, пряча глаза, молча убегал на работу пораньше. А Глеб сейчас, заискивающе, как провинившийся пёс, заглядывал всем в лица.

Помог Рону переодеть Даниеля, усадил Энн и Франсин. – Дамочки, отдыхаем!

Сам накрыл на стол. Даже пытался помочь Валентине Макаровне принести котелок.

– А ну, сядь! – прикрикнула на него бабка. – Выбей мне кашу-то!

– Мама, – Он послушно сел на место. – Я ж вам кастрюлей понавёз, мультиварку...

– Ой, стара я уже для жутей таких, – Валентина Макаровна махнула на него тряпкой. – Да и скус-то развя такой?

– Ну, это точно... – Франсин засмеялась.

Она попробовала свой кофе и быстро глянула на Глеба, а тот хитро подмигнул.

Это был не обычный кофе, а добытый, разумеется с помощью Энергетики, из её любимой кофейни.

«Ну, и ладно,» думала она, совершенно утешившись. «Даже с людьми-алкоголиками как-то уживаются. Рон поможет. А то и Мэри на него натравлю если что.»

– Люсенька, – обратилась к ней Валентина Макаровна. – Вымой посудку, лады? Мы с Олегом Петровичем и батяней твоим хотим походить – внучатами похвастаться.

– А я? – удивился Глеб.

– А ты ей и помоги, понял?

– Понял, – кивнул тот, а Франсин даже фыркнула.

«Он правда такой наивный?» думала она, разглядывая странное существо сидящее напротив неё.

«Или прикидывается? Нет, не похоже...»

И действительно, когда они остались одни, Франсин мыла посуду, Глеб старательно вытирал и расставлял её по местам, но даже и не пытался «приставать».

Женщина стояла к нему спиной, одетая только в длинный тёплый халат; фиолетовый, двойной, сверху махровый – изнутри байковый.

Посуды уже не осталось, но Франсин так и водила руками в тазике с тёплой мыльной водой.

Глеб встал рядом, с готовностью ожидая очередную ложку или тарелку.

– Обними меня... – шепнула Франсин.

Тут только до Глеба дошло. Молодая женщина тихо рассмеялась: у него сбилось дыхание, он обнял её так нежно, так осторожно...

««Как с *немогущим сосудом*!»», вспомнила она Библию.

Он стоял сзади, перебирая губами её кожу на шее под волосами. Он начал оглаживать её тело и вдруг замер с ладонями прижатыми к её бёдрам.

«Понял, что на мне только халат,» Франсин засмеялась громче, поддёрнув задком вверх, как кобылка – крупом, когда дразнит жеребца.

Это произвело соответствующий эффект.

Испуская даже не стоны, а утробное рычание, он накинулся на неё, словно тигр.

Франсин пыталась упереться в столик, хваталась за полки, едва удерживаясь на ногах. Его размеры не дали ей возможность уловить тот момент, когда их тела, наконец, соединились, как никогда до этого, но такого бешеного темперамента не проявлял даже Джерри в свои самые лучшие дни.

«Ох, тазик бы не опрокинуть...» единственное, что промелькнуло в её голове.

Джерри всегда вскрикивал, а Глеб наоборот – замолчал, более того – дышать перестал, напугав этим Франсин.

«Он не помер там ненароком?» промелькнуло у неё в голове.

– Пока нет, детка, – выдохнул он, отвечая на её мысли.

Подхватив её на руки, он ринулся в салон, повалился с ней на диванчик.

Он ласкал её и руками и губами; именно не целовал, а как бы перебирал, массируя, её кожу, что возбуждало невероятно.

– Тебе обязательно – два раза подряд? – хихикнула она, едва переводя дыхание. Он только кивнул. И опять отличие! Джерри всегда краснел во время занятий любовью, а Глеб был бледен, «как смерть».

– Тебя инфаркт не хватит? – пробормотала она, натянуто улыбаясь. Ей стало страшно, даже возбуждение прошло. Он только головой мотнул.

– Ты дышать-то не забывай! – Она ласково гладила его плотные, совершенно ледяные на ощупь, щёки. – Ты ж – спортсмен! Должен понимать...

– Да, милая моя... – Он взглянул на неё растроганно, с благодарностью.

«А Мэри даже не думала обо мне...» промелькнуло у него в голове. Он попытался сдерживаться, но только «сбился с настрое» и виновато взглянул на женщину в его объятиях. «Ой, позорище-то какое...»

– И как, Хозяйка выдерживала такие скачки? – хихикнула Франсин, делая вид, что не заметила «осечки».

– Ну, как ты видела – не так долго! – Рассмеявшись, он лёг рядышком с ней. – Девочка моя милая...

Они продолжали нежно ласкать друг друга. Их прошлое таяло, растворялось и исчезало, и будущее уже не казалось ни мрачным ни безнадёжным.

«Мы можем быть счастливы. И мы будем!» была общая мысль.

* * * * *

За что Валентина Макаровна по-настоящему была благодарна Глебу – он не только провёл в дом воду, но и установил санузел. Хотя в ванну залезть она так и не решилась, туалет, сменивший привычное «зимнее ведро», ей очень понравился.

В середине ночи, возвращаясь к себе в спальню, она услышала характерную возню на печке.

Молодая женщина постанывала и хихикала, Глеб приговаривал что-то ласковое, на незнакомом Валентине Макаровне языке, но имя ``Люси`` она не могла не понять.

Они заметили её и притихли, как шаловливые мышата, а бабка, делая вид, что не слышала ничего, прошла к себе, легла под бок к Олегу Петровичу и ласково погладила его.

– Чё ты, мать? – пробормотал он сквозь сон.

– Да так, спи давай, – шепнула она, улыбаясь воспоминаниям.

* * * * *

За завтраком Глеб и Франсин, хихикая, переглядывались время-от-времени, словно нахулиганившие подростки. Рон понимающе ухмылялся в усы, а Валентина Макаровна при-творялась, что улыбается из-за забавного поведения Энн.

– Уж отъедайся напоследок! – приговаривала бабка умилённо. – А то дома опять голодом сидеть будешь...

– Хотя сегодня, по-хорошему, поститься б надо, – Валентина Макаровна объяснила, ни к кому конкретно не обращаясь. – Накануне Рождества-то...

– А мы уже отметили Рождество... – машинально отозвалась Франсин.

Это прозвучало очень двусмысленно – она сама почувствовала, и щёки её вспыхнули. Бабка фыркнула, прикрыв рот ладонью.

«Надо же, Глеб краснеть умеет!» удивилась Франсин, глядя на Орлова-младшего, сидящего напротив.

– У нас же 25-ого декабря празднуют, – уточнил Рон спокойным голосом.

– Никак остаться не можете? – грустно поинтересовалась Валентина Макаровна.

– Мне до первой звезды надо смотреться. – Рон хмыкнул.

Тут уже все перестали улыбаться.

– А, так ты ж из той же... – начал Олег Петрович. Он не смог подобрать подходящее слово.

– Похуже, – отозвался Рон холодно.

– Я пойду Огонька проверю, – Орлов-старший поднялся, отводя глаза, а Глеб сидел, набычавшись, уткнувшись в тарелку.

– А ты дома будешь такую кашу есть? – Франсин старалась вернуть разговор в нормальное русло.

– Такую кашу всё равно никогда не сготовишь, – грустно ответил он, запихивая в рот очередную ложку.

– Дитяtko моё неразумное, – горестно произнесла бабка. Она встала и, обняв Глеба, поцеловала его в голову.

– Мне это можно, – шепнул он, как Франсин поняла, отвечая на мысли матери.

– Береги тебя Бог, как я берегла тебя! – Бабка всхлипнула и снова занялась Энн, а девочка тоже захныкала и пыталась тереть лицо Валентине Макаровне.

* * * * *

Они заканчивали завтрак; даже Энн наелась и начала уже баловаться, когда вернулся Олег Петрович.

– Я чёй-то, мать, руку, видать, подвихнул, – произнёс он, виновато улыбаясь и растирая левое плечо.

– Ууууу, – Рон вскочил, усаживая старика на диван. – Нет, братец, это – сердце!

Франсин, чуть не подавившись, схватила мобильник.

– Олечик! – Валентина Макаровна кинулась к мужу. Испуганно оглянулась на Глеба. Тот стоял, внимательно глядя на них, слегка поводя головой, как беркут перед тем, как сорваться в полёт.

– Нет, мамка, не волнуйтесь! – Он улыбнулся. – И вы, батяня, расслабьтесь – ещё не ваше времячко!

– Вот видишь, вот видишь, – бабка оглаживала старика. – Глебка – он такой! Он знает! Франсин звонила в медпункт, а Глеб приблизился к дивану.

– Так, прежде всего, аспиринокку разжуйте...

Олег Петрович запил остатки таблетки тёплой водой.

– Откройте рот, – произнёс его сын тоном, совершенно как доктор. Фыркнул спреем. – НЕ глотайте. Давайте-ка перейдём в спальню. Сейчас я вам пару укольчиков сделаю – голова кружиться будет. Поспать надо.

– Я детьми займусь, – Рон поднял Даниеля, взял Энн за руку и ушёл в их спальню. Валентина Макаровна с сыном довели Олега Петровича до самой комнаты, но тут Глеб резко остановился и позвал Франсин; – Милая, перехвати, а?

Удивлённая, молодая женщина, тем не мене, подбежала сразу же.

Она увидела небольшую икону над дверью и поняла проблему Глеба; ему надо было переключиться.

Пока женщины укладывали Олега Петровича, подпирая его подушками до полусидячего положения, Представитель Смерти перестроился на ангельскую волну и смог тоже войти в комнату, наполненную Светлой Энергией.

– Напугал я тебя, мать, а? – старик произнёс слабо, но улыбаясь.

– Да ну тебя, дурак какой! – Она махнула на него рукою. – Ишь, на Рождество помирать вздумал! Вот ухватом бы тебя огреть – сразу вскочишь!

Глеб, покосившись на иконостас в изголовье, тем не менее несколько раз провёл рукой над телом Олега Петровича.

– Эх, батяня! – произнёс он, покачав головой. – Сделать бы вам аортокоронарное шунтирование! Лет десять проблем бы не было...

– Ой, нет! – сразу отозвался тот. – Никуда не поеду! Уж помирать, так дома.

– Да я... – Глеб замаялся. – Разрушать – не восстанавливать. Я мог бы сам вам артерии прочистить... Не в этой комнате. И...

Он глянул на Франсин, за поддержкой.

– Надо снять нательный крест, – объяснила та. Старики переглянулись.

– Да в любой больнице вам скажут тоже самое! – выкрикнул Глеб уже раздражённо.

Олег Петрович сжал руку жены. – Прости, мать... Но, сколь уж мне отмеряно...

– Ничего, Глебка, – произнесла та, не глядя на сына. – Спасибо. Мы уже так как-нибудь.

– Как хотите... – Он выбежал прочь. Валентина Макаровна обняла мужа, и Франсин тоже потихонечку выскользнула из спальни.

* * * * *

Фельдшер, совершенно трезвый, в сопровождении медсестры и Альки, вошли во двор. И Юрка с женой Оленькой, услышав о беде с Олегом Петровичем, не могли не присоединиться. Все они остановились, удивлённо глядя на Глеба – голый до пояса, он растирался снегом возле вездехода.

Пошептавшись, они оставили Юрку, который направился к Орлову-младшему, а сами вошли в дом.

– Дядь Глеб... – осторожно окликнул молодой человек. – Вот правильно – то! Я то ж делаю... Лениюсь иногда, если признаться...

Он осёкся – с такой тоской и отчаянием взглянул на него Орлов-младший.

– Юрка, – простонал он хрипло, показывая в сторону.

Молодой человек увидел три или четыре бутылки водки, валяющихся в снегу неподалёку.

Глеб дико выругался – он снова держал уже новую бутылку.

Он со стоном упал на колени. Юрка едва вырвал водку из его руки.

– Ну, дядь Глеб, – он рассмеялся. – Ну, вы даёте! Нам и водочного завода не надо ставить!

– Я ВОР! – выкрикнул тот злобно. – Это из вашего же сельпо вытягиваю! Ох, хоть бы мне руки отрубили...

– Да ладно, что не так-то? – Молодой человек накинул на Глеба куртку, висевшую на открытой дверце вездехода.

– Домой надо ехать, – Орлов вздохнул.

– К боссу вашему?

Глеб кивнул.

– А с отцом что не получилось?

– Не хочет Олег Петрович... – ухмыльнулся Глеб. – Сколько людей на коленях бы ползали, чтоб жизнь продлить, а этот – гордый какой!

– Орловы всегда были такие, – холодно заметил Юрка.

Глеб передёрнулся. – Я, значит, слабое звено, а?

– Так и докажите, что – нет! – Юрка не отвёл глаз.

– Я подготовлю вездеход. А вы пойдите, попрощайтесь. По-человечески.

Орлов вздохнул, застёгивая куртку.

– Кто бы вы ни были – мы всегда будем вам благодарны, – произнёс Юрка проникновенно. – Будем вас уважать. Какая бы причина ни побудила вас – вы не сбежали. И сейчас, Олег Петрович сделал свой выбор. Не сбегайте! Не обижайтесь на него – гордитесь им.

– Да так оно и есть, Юрка, – отозвался Глеб грустно.

Они обнялись и Орлов-младший медленно направился обратно к дому.

* * * * *

Он зашёл в спальню родителей. Олег Петрович, сонный, но уже румяный и улыбающийся, лежал как король.

Валентина Макаровна пристроилась сбоку, глядя на него влюблёнными глазами, словно невеста.

Фельдшер повторял инструкции, а Алька обратилась к Глебу: – Вы не волнуйтесь! Мы родителей ваших и до этого не забывали – теперь уж точно не бросим.

Отец поманил сына, тот подошёл, и они обнялись.

– Ты не обижайся, сынок, – шепнул старик. – Спасибо тебе за всё! Езжай с Богом! Мать говорила – тебе такое ж можно казать?

Тот только молча кивнул, сжав руки отца на минутку.

– Я вездеход только наладил, – Юрка вошёл в комнату в сопровождении Мэри Чёрнсын. – И посмотрите кто тут!

– Марья Михална! – Алька аж взвизгнула.

В спальню набилось столько народу, но не казалось тесно, словно в сказке «Теремок» или «Под грибом».

А ведь и Энн вскарабкалась к бабке на колени. Та поднесла девочку поближе и старик поцеловал её. Энн засмеялась и, выскользнув, забралась на руки к Мэри.

– Мама! – девочка бормотала без умолку, явно делясь впечатлениями, путая слова, английские и русские, создавая свои собственные и восторженно ухая.

Франсин не решилась войти. Потерянно, она сидела одна-одинёшенька в центральной комнате. Рон оставался в детской спальне с Даниелем.

Решили, что лучше будет, если он не увидит Мэри. Франсин хотела испытывать благодарность за это, но мучительное чувство ревности она не могла подавить.

Глеб вдруг выскользнул из спальни родителей.

– Где моя милая орличка? – шепнул он нежно, но она услышала. Её сердце мгновенно растаяло; «Он почувствовал – мне одиноко!»

Он сел рядом, и тут же появилась и Мэри. Поджав губки, она окинула их изучающим взглядом.

– Ваша брачная лицензия ждёт вас на столе в салоне... – начала она. – А свадьбу...

– Свадьбы не будет, – прервала её Франсин.

Закусив губы, Орлов опустил голову.

– Нам нужен сертификат-свидетельство о браке! – бросила Франсин с вызовом, а Глеб рассмеялся. «Хулиганка моя любимая!» промелькнуло у него в голове.

У Мэри глаза сузились. – Ооооо. Что, Глебушка, обломал кобылку-то?

– Она – не лошадь, а жена моя земная, – ответил он холодно, демонстративно обнимая Франсин. – Перед Богом и перед людьми! А все эти бумажки – как вам угодно будет. Мы – слуги ваши покорные!

– Ну, совет да любовь, как говорится! – Мэри бросила, не в силах скрыть досаду.

Она вышла из дома, но этих двоих даже не интересовало, каким образом она доберётся до Помесья Чёрнсынов, расположенного на другом конце планеты.

Глава 4

Франсин и Глеб Орлов остановились перед входом в их будущий дом. Рон, держа Даниеля за руку, стоял позади.

– Внести тебя на руках? – предложил Глеб.

– Ой, ну, как пошло! – Она хихикнула.

– А за волосы втащить? – Он подмигнул.

– У тебя вообще фантазии нет?

– Нет, – признался он грустно.

– Милый ты мой... – Франсин ласково погладила его лицо, и они чмокнули друг друга в губы.

Он смотрел на неё с такой доверчивой надеждой, как пёс на хозяйку, и женщина просто таяла от умиления.

«Такой большой, а такой глупенький,» думала она с нежностью. «Ну, ведь действительно – русский медведь... Да нет, просто игрушечный мишка-переросток...»

– Энергетикой могу запустить... – Он даже хмурился от напряжения, пытаясь найти то, что понравилось бы ей. – Хочешь – влечу, внесу тебя ``на крыльях любви``? Ой, ну, пристрелить тебя, а оживить внутри?

– Ну, милый! – Франсин расхохоталась. – Всё с тобой ясно. Мы – друзья, партнёры, понятно?

Он внимательно взглянул ей в глаза. Протянул руку.

«Он понял!» Женщина зажмурилась не секунду.

Такого всепоглощающего ощущения счастья она давно уже не испытывала.

Её узкая, тонкая кисть утонула, исчезла в его лапище.

Улыбаясь, супруги вошли в дом рядом, бок-о-бок, рука-в-руке, плечом-к-плечу.

* * * * *

Три дня на разграбление города..

``Новобрачным`` предоставили три дополнительных свободных дня для обустройства дома.

Им выделили участок в Поместье Чёрнсынов; посередине между Центральным Особняком и Стадионом, причём подземные коридоры соединяли подвал дома с этими зданиями.

Дворики пока были завалены снегом, так что супруги занялись внутренним оформлением.

Глеб с удовольствием ``доверил`` Франсин большую часть обустройства.

Они договорились – каждый декорирует свои комнаты как кто хочет, а чтобы не было споров по мелочам – салон-гостиную полностью оформил Орлов, кухню – мадам Тремблей, так же как и комнату Даниеля, куда поселили и Рона.

А вот насчёт семейной спальни получилось разногласие – Глеб требовал установить книжный шкаф.

Франсин смеялась, издевалась и всячески острела на эту тему, но Орлов упёрся, совершенно как бык.

– Для меня это лучше любой Виагры, – наконец признался он.

Весомый аргумент.

Сговорились на книжных полках вдоль одной из стен, вокруг телевизора, и тумбочку с журналами – возле кровати.

Когда двое готовы идти навстречу друг другу – проблемы решаются проще.

Они, как настоящие молодожёны, уединялись, где только могли и не могли.

Выскакивали на звонки грузчиков и дизайнеров растрёпанные, она – раскрасневшаяся, томная, хихикая, он – бледный, с полыхающими от возбуждения глазами. Не в силах ничего сказать, молча подписывал бумаги, показывал куда и что ставить.

Франсин кокетничала, извивалась, доводя Глеба до такого состояния, что едва дверь закрывалась за посторонними, он снова накидывался на жёнушку, хотя большей частью всё ограничивалось почти детской вознёй и играми.

И сколько раз они просто лежали рядом, нежно лаская друг друга...

А вечером они сидели, обнявшись, глядя на пламя камина, забыв о прошлом и не думая о будущем.

Даниель прекрасно «вписывался в картину». Он тоже молча сидел на полу, глядя на огонь.

Даже не играл, а просто иногда подходил то к Глебу, то к Рону, устроившемуся в соседнем кресле, и трогал их, словно проверяя, что они здесь.

На Франсин он только вскользь бросал взгляды, а она тоже старалась не смотреть на него в упор.

В первый же вечер он заснул прямо в салоне, и Рон перенёс его в спальню.

На следующий день, вернее вечер, Даниель, держа Рона за руку, выслушал сказку, которую прочитала Франсин.

А на третий день Глеб и Франсин сидели с Дэном вместе. Женщина начала читать, а Орлов взъерошил малышу волосы и вышел.

Мальчик заволновался было, но женщина, так же не глядя на него, спокойно продолжала сказку, и Дэн успокоился.

А когда он, наконец, уснул, Франсин просто сползла на пол и, тихо рыдая, произнесла все благодарственные молитвы, которые знала и даже сочинила несколько новых.

«Завтра на работу...» думала она, зачарованно глядя на спящего сына. «Я должна быть благодарна Мэри за всё это... Я благодарна... благодарна... благодарна...» пыталась она обмануть сама себя.

* * * * *

Когда Франсин вышла в кухню, ещё в халате, Глеб уже убежал, что-то дожёвывая.

– Желудок испортишь! – бросила она ему, улыбаясь.

Он только кивнул и почти выбежал из кухни.

Рон сидел за столом.

– Удачи, дочь моя! – произнёс он нежно. – Поезжай на работу спокойно. Как Дэн проснётся – я им займусь. И гляди...

Он склонился под стол и вынул котика-сфинкса.

– Плюш! – Она схватила своего любимчика в охапку, тиская худенькое, каракулевое тельце.

Зверька явно не смутило ни совершенно другое лицо хозяйки, ни изменившийся голос – запах и манеры оставались теми же, так что он ласкался, тёрся мордочкой и звонко мурлыкал.

Последний штрих для полного счастья.

* * * * *

После утренней планёрки Глеб распустил офицеров, они вроде как начали расходиться, но расставив стулья, вдруг дружно повернулись к Орлову и с криком: «Сюрприз!» забросали его конфетти, серпантинном и рисовыми зёрнами.

Открыли шампанское, Глеба фамильярно толкали, хлопали по плечам, пожимали руку. Присоединились и его шофёры и секретари.

– Зажали «малышник»! – говорили ему. – А свадьбу справлять будете?

– Ребята, ребята, тихо, – произнёс Орлов, растроганный до глубины души. Он машинально осушил бокал шампанского, и в наступившей уважительной тишине объяснил; – Я ж

две недели здесь не был... Дел накопилось. А насчёт свадьбы – Франсин овдовела недавно. И хоть они с тем мужем и разошлись, сами понимаете...

Глебу снова налили, он отсалютовал и выпил, и, только уже подходя к своему кабинету, сообразил, что опять нарушил `режим`.

– Идиот безвольный, – отругал он себя, фильтруя кровь Энергетикой.

Но самочувствие и настроение были испорчены.

* * * * *

Персональный водитель доставил Франсин на работу; свой собственный офис с приёмной, секретарской и кабинетом!

Юная женщина чувствовала себя действительно другим человеком.

– Я ваш консультант на первое время. – Мужчина средних лет пожал ей руку.

– Введу вас в курс дела...

Они вместе, рядышком, сели за её компьютер и он уже начал показывать ей, объясняя её новые обязанности, как вдруг вошёл Артур Чёрнсын, и консультант поднялся.

– Оставь нас ненадолго, – холодно приказал ему Артур. Тот молча вышел.

Чёрнсын сел в кресло посетителей, положив свои тонкие руки к себе на колени, подался вперёд, разглядывая Франсин, слегка покачиваясь из стороны-в-сторону – в точности, как змея, когда рассматривает объект, выясняя добыча это или опасность.

Франсин сидела с виду совершенно спокойно, но они оба прекрасно знали, как она ненавидит его. И из-за Джерри, и из-за Мэри, а теперь ещё из-за Глеба.

– Я не могу врать, – заговорил он раздражённо. – Но в данном случае и обманывать не собираюсь. Я год оплачивал и терпел рядом с собой, у себя в доме, этого, в прямом смысле, недоноска. Я очень рад, что избавился от него. А вот Мэри переживает. Ты рада?

– Нет, – ответила Франсин, не блокируясь. – Я ей ноги готова целовать за её благородство. Что вы ещё от меня хотите?

– Чтобы ты помнила! – У него глаза сверкнули жёлтым огнём. – Что мы дали – отобрать можем в любую секунду! Так что без всяких штучек-дрючек, ясно?

– Я – больше не Бренда!

Женщина вышла из-за стола и крутанулась вокруг себя, показывая, демонстрируя себя со всех сторон.

Строгое бизнес-платье чуть ниже колен. Тёмно-русые волосы до плеч; аккуратная, даже `прилизанная` причёска.

– Впечатляет. – тем же ледяным тоном отозвался Артур. Молча поднялся и вышел, а консультант снова зашёл в кабинет.

* * * * *

Глеб чувствовал не просто дискомфорт-`ломку`, весь рабочий день, но не мог позволить себе извести столько Энергетики, чтобы полностью прочистить организм, просто изнывающий от желания `опохмелиться`.

«Ничего, выдержу,» надеялся Орлов. «Вон, не курю же уже... О! Ровно двести часов...»

Он уже направился к лифту, когда поступил сигнал от Мэри Чёрнсын; «Зайди ко мне.»

* * * * *

Секретарь Мэри уже ушла, и Орлов вошёл в её кабинет без доклада.

Когда он увидел её; такую маленькую, кругленькую, аппетитную, как плюшка, всю переполненную жизненными соками, словно наливное яблочко, он, наконец, перестал ощущать мучительное желание выпить.

Теперь его заглушало совсем другое...

А она холодно взглянула на него, стоя перед своим рабочим столом.

– Отпраздновал, Глебушка? – поинтересовалась Мэри на русском. – `Что ж ты пьёшь, мой конь ретивый?`

– Два бокала шампанского! – огрызнулся он.

Оба уставились на бутылку вишнёвого коньяка в его руке. Застонав, Глеб уронил её на пол и закрыл лицо руками.

Он почувствовал какое-то движение, а когда открыл глаза – Мэри стояла ногами на кресле посетителей, выбирая из его волос рисинки и отдельные конфетти.

Её пиджак был расстёгнут, и грудь женщины находилась сейчас как раз на уровне его лица.

Её формы всегда сводили его с ума, а сейчас её естественный запах уже чувствовался, не перебивая, а вплетаясь в нежный парфюм с ароматом ландыша и жасмина.

– Ох, Хозяюшка! – простонал он, хватая её в объятия. – Вы, наверное, единственная женщина на земле, которую я мог бы изнасиловать.

– Даже зная, что я беременна твоим ребёнком?

Он замер. Осторожно, как фарфоровую куклу, сняв с кресла, поставил на пол.

– А как Хозяин к этому отнёсся? – спросил Глеб спокойным голосом.

– Он любит меня. – Мэри пожала плечами. – А ты для нас – не больше, чем спермодонор. Даже не самый удачный. Алкоголизм мальчикам передаётся чаще.

– Ну и взяли бы снова Альберто! – огрызнулся Глеб. – Так нет, вам надо было Люси... Дьявол! Франсин и здесь подколость!

– Давай, иди отсюда! – окрысилась на него Мэри. – Рабочий день окончен, заботливая жёнушка дома. А на работе пить будешь – не уволю, а снова в ``пансионат`` отправим, понял?

– Да, Мэ'эм, – смог ответить он, выходя из кабинета в состоянии, как человек, стукнутый по голове дубиной.

Диалог с Мэри буквально добил Орлова. Энергетика кончилась, а раздражённое состояние не позволяло сосредоточиться, чтобы набрать новую порцию.

Каждая клеточка тела вибрировала от химического дисбаланса.

Выйдя в коридор, Глеб прижался спиной к стене, пытаясь бороться, но сполз на пол, еле сдерживая желание начать крушить всё вокруг.

К нему тут же подошли двое охранников, хотя демон-напарник попятился, чувствуя состояние Начальника.

И опять смертный смело шагнул вперёд.

– Господин Орлов? – осторожно обратился он. – ``Скорую``, да?

Тот, скрипнув зубами, молча кивнул, призывая всю силу воли, чтобы не ударить ни в чём неповинного человека.

– Соври что-нибудь моей жене, – простонал он, протягивая охраннику мобильник. Медики Корпорации уже прибыли. Подхватив Орлова, мгновенно телепортировались с ним прочь.

– Аллэ, аллэ? – говорила Франсин встревоженно. – Глеб, что ты молчишь?

– Ой, извините, мадам Тремблей! – заговорил человек. – Это из охраны Здания Корпорации...

– Что с Глебом?

– Не волнуйтесь, завтра утром увидите! – произнёс он оптимистично. – У него задание, важное. Он сегодня ночевать не сможет приехать. Завтра на работе увидите.

Франсин помолчала.

– Он в больнице или у любовницы? – поинтересовалась она холодно.

– А как вам легче было бы?

– У любовницы.

– Ну, считайте – поехал отмечать возвращение на работу! – Охранник рассмеялся. – Ложитесь спать, спокойной ночи!

Он выключил мобильник и отдал его напарнику-демону, а тот телепортировал телефон туда же, где находились и прочие вещи Глеба.

– Эдак сказать и я бы мог, – ухмыльнулся демон. – Что ж ты такие гадости дамочке говоришь? ``Отмечать поехал!``

– Пусть она лучше злится, чем переживает! – объяснил человек. – А завтра сами разберутся.

* * * * *

Франсин несколько не утешило и не успокоило такое невразумительное сообщение. Она взглянула на Рона.

Они все сидели на кухне; Рон кормил Даниеля ужином.

– Не надо меня спрашивать, – мрачно отозвался он на её мысли.

– Мне с ним ещё жить и жить, – прошептала Франсин умоляюще.

– Сорвался парень. – Рон вздохнул. – А когда он выпьет... Да ты сама видела. Он на меня-то с кулаками кидался. Его вообще перед ``кодированием`` несколько дней в больнице держали.

– А Энергетика?

– А что Энергетика? Тот же эффект, что и земные медикаменты. ДНК всего организма не исправишь. Приходится пользоваться тем, что есть. Надо же! Вот уж точно – не суди о книжке по обложке! Спортсмен, закаливается, под два метра, никаких физических заболеваний. Знали, конечно, что иногда выпивал, но, что это такой проблемой может оказаться – никак не ожидали. Вон Джерри – даже чаще напивался, а алкоголиком никогда не будет.

Франсин молча допила свой виноградный сок.

«Ну и ладно,» думала она, блокируясь от Рона. «Пусть этот монстр сопьётся поскорее. Может Мэри успокоится и нас с Даниелем в покое оставит. Эдакий папочка ему точно не нужен.»

* * * * *

Они легли все втроём в комнате Даниеля, Рон и мальчик – в свои кровати, а Франсин на диванчике, специально приготовленном для такого типа ``одиноких`` ночей.

«Никак не ожидала, что это случится так скоро...» была последняя мысль Франсин, до того, как она уснула.

* * * * *

Когда Франсин проснулась, она не сразу поняла, где находится и не вспомнила почему.

Она села, глядя на спящего сына.

Тотобнимал Плюша, а котик, явно тоже соскучившийся, мурлыкал громко, как машинка. Его мордочка лежала рядом с лицом Даниеля, и женщина в очередной раз изумилась их сходству.

«Милые мои...» думала она растроганно.

Но какое-то чувство дискомфорта беспокоило юную женщину.

«Глеб... Где он, как он? Ну, и чёрт с ним. Палач, убийца, алкаш... Не приехал, не хотел мне морду набить. Ах, как трогательно! Просто Рона, небось, либо стыдился, либо боялся...»

Рон тоже сел, глядя на неё. – Что, дочка?

– А Глеб... – Она не знала, как сформулировать.

– Ничего, к утру в форме будет. – Он вздохнул. – Спи, моя хорошая.

Она легла. Снова села.

– Не могу, – призналась она. – Как глупо! С ним точно всё в порядке?

Рон пожал плечами. – Просто так в больницу не кладут.

Франсин покусывала губы, пытаясь разобраться в своих чувствах. – Можешь телепортировать меня к нему?

– Доча, но зачем? – Рон хмыкнул. – Меня не обманешь. Ты его и не любишь и боишься. Пусть всё идёт, как идёт. Завтра он будет шёлковый и ласковый.

– Я чувствую, что ему плохо. – Франсин сама не могла поверить себе.

– Да он опять из-за Хозяйки сорвался! – Рон прошипел злобно. – Уж сколько мне от неё доставалось – со счёта сбился! Так Глебу и надо! Такая жена, как ты – чудо! А Мэри ему его место указала – он на стену и полез. Ты его ещё жалеть будешь! Пусть там теперь корчится! Забыла разве, ведь именно он руководил казнью Марка-охранника!

Франсин сидела, совершенно потрясённая. «Опять Мэри! Опять из-за Мэри! Да что же, она мне в наказание за мои грехи ``приставлена``, как кнут постоянный?»

– Телепортируй меня к нему, – повторила она уже уверенно. – Пожалуйста. Он мне жизнь спас. Он помог мне с Даниелем. Только благодаря его усилиям, я получила сына назад.

Рон пожал плечами и запустил телепортационный смерч.

Бросив напоследок взгляд на спящего сына, Франсин решительно шагнула внутрь вихря, сразу, хлопнувшегося за ней.

* * * * *

Она с удивлением оглядела маленькую палату.

Приблизилась к кровати-каталке, где Глеб лежал, присоединённый к двум капельницам и несколькими мониторами.

Франсин никогда не видела, как лечат наркозависимость, но, однажды, ещё подростком, её дня три продержали в ``психушке``, вот так же намертво пристёгнутую ремнями. Она помнила, какой это был ужас, она могла представить, какой пыткой это было для Орлова.

Он застонал, словно волна прошла по его телу, его голова мотнулась из стороны в сторону. Даже в его нос был введён катетер, подающий кислород.

Франсин невольно вспомнился её сын... Сколько раз он вот так, ``нашпигованный`` проводами, утыканный иголками, беспомощно метался на больничной койке.

– Глеееб, – прошептала она, глядя, перебирая его тёмно-русые волосы.

Он замер, тяжело дыша, не открывая глаз.

К её изумлению, его сильные, волевые губы сложились во что-то вроде улыбки. На его лице ещё был ремень, удерживающий у него во рту защитную прокладку.

«Чтобы зубы на сломал... И так вон как губы обкусал...»

У неё часто сохли губы, особенно по ночам, поэтому в кармане её пижамы всегда лежала плоская коробочка с гигиенической помадой. Она осторожно смазала ему губы; сейчас такие шершавые, ободранные.

«Милый мой,» промелькнуло у неё в душе. «Мой сломанный плюшевый мишка...»

Он открыл глаза на секунду. Не такие сочно-синие, как были когда-то у Джерри. Голубовато-серые, словно тающий тонкий лёд.

– Люси... – она скорее догадалась, чем услышала. – *Люси Гонзалес*...

Он снова лежал, словно мёртвый, и Франсин охватил чисто животный ужас.

– Глеб...

Он снова взглянул на неё, уже осознано.

– Пришла полюбоваться, как меня здесь корёжит?

Прокладка мешала ему говорить, но это всё равно прозвучало со злобой.

– Хами, сколько хочешь, – Она ухмыльнулась, снова погладив его волосы. Он дёрнул головой.

Она тихонько засмеялась.

– Ты же знаешь, я извращенка! А почему, действительно, мы не играли, привязывая тебя? Классика! Хочешь, дома так попробуем?

Он смотрел на неё совершенно потрясённо. – Пута...

– Ага, – Она протёрла его лицо влажной салфеткой. Поцеловала. – Обработать тебе остальные места?

– Тут же камеры, – хмыкнул он. – Впрочем, тебе тебе не привыкать, а Глеба Орлова несколько раз приглашали сниматься в ``эдаких`` фильмах, да он отказывался.

Она не успела заблокироваться и он хихикнул, прочитав её мысли. – Су*а ты. И вовсе не из-за размеров. Можно бы и так снимать, что не заметно. Всё равно деревенское воспитание сказывалось.

– А у Олега Петровича запои бывали?

– В том-то и дело, что нет, – грустно уточнил Глеб. – Историю родителей-то я проверил, а вот, что отец Валентины Макаровны был алкоголик – узнал слишком поздно.

– А нечего тела чужие воровать! – Она тихонько хлопнула его по лбу.

– Девочка, кто бы говорил! – Он подмигнул. – С четырнадцати лет, кто балдеет, ``ножками дрыгая``? Наслаждаться сексом можно только в физическом теле.

– А страдать?

– В любой форме, пока работает сознание, – объяснил он уже совершенно серьёзно.

– А душевные наслаждения? – Она старалась понять. – Ну, ладно, когда мы сидели, глядя на пламя в камине – ``память предков``, когда мужчина возвращался домой. А... Я помню выражение твоего лица, когда я спела там, в лесу. Ты подошёл... Ты *ТАК* смотрел! Мне кажется за *ТОТ* взгляд я тебе могу простить все твои ``выбрыки``! Я поняла тебя. У тебя слишком ранимая, чувственная душа. А тебе приходится ``крутого`` разыгрывать. Не надо со *МНОЙ*.

– Что, слабаки нравятся? – Он недоверчиво хмыкнул. – Жалеть приятно?

А она склонилась к нему и снова запела «Santa Lucia».

Легким зефиром мы в даль понесемся

И над водою, как чайки взовьемся.

Ах, не теряйте минуты златые...

Санта Лючия, Сантаааа Лючия!

Он лежал, закрыв глаза, и Франсин сняла его слёзы не салфеткой, а губами.

– Вы что же тут делаете? – Услышали супруги.

– Я его жена! – Франсин развернулась, смело глядя на медиков и охранников. – А вот как вы посмели не сообщить мне? Я Хозяевам пожалуюсь!

– Простите мадам Тремблей, – врач произнёс извиняющимся тоном, пока медсёстры проверяли Глеба. – Но господин Орлов сам велел...

– А то вы не видели, в каком он состоянии был? – Она фыркнула. – Небось орал; ``Развяжите меня!`` Что-то вы не больно послушались! К пьяному бреду всерьёз относиться? Кстати, когда его можно будет забирать?

Глеб что-то попытался сказать.

– Помолчи, дорогой! – Отозвалась Франсин ``стопроцентным тоном жены``. – Мы тут с доктором разговариваем.

Ей принесли удобное кресло, чтобы она могла сидеть рядом с мужем, поставили вазу с фруктами и стакан для воды.

– Фонтанчик для питья возле туалета, – указали ей.

Орлов уже снова заснул, и юная женщина тоже задремала.

«А с Даниелем мы никогда не могли себе позволить, не то, что такого комфорта, но даже отдельную палату...» невольно вспомнилось ей.

Глава 5

Как Рон и говорил, Орлова под утро уже вернули в форму.

Отстегнули, хотя капельницы отключили не сразу.

Он сел поудобнее, румяный и спокойный. Они обменивались шутками. Глеб виновато улыбался, немного растерянно, словно ребёнок, разливший краску.

– Помочь тебе переодеться? – мурлыкнула Франсин, ласкаясь к нему.

– Отстань, – буркнул он, но совсем другим тоном, не как ночью. – А, ревнуешь к медсестричкам?

Он поднялся, но тут же сел. Расправив плечи, поднял голову вверх, и едва заметное голубоватое сияние, как утренний туман, возникло вокруг него. Оно становилось всё плотнее, переливаясь золотистыми тонами.

Он взглянул на Франсин.

Его глаза светились ТАК, что даже зрачков не было видно – словно окна в недоступный для смертных мир.

Там где вечное счастье, безграничный покой.

«Останься таким!» ей хотелось кричать.

А он отвёл взгляд, и ТО ощущение исчезло...

Глеб перевёл дыхание, разводя руки в стороны.

«Подзаряжается,» поняла Франсин, холодея.

Он засмеялся от удовольствия, и теперь серовато-голубые глаза и хищная ухмылка делали его похожим на белого тигра или хаски...

Он вскочил, схватил жену в охапку и крутанул вокруг себя. Франсин почувствовала головокружение, но не удивилась, видя их уже в кухне, дома.

– Пойди поспи, хорошая моя! – выдохнул Глеб ей в ухо, нежно касаясь мочки губами. – Отдохни хоть немного! Увидимся на работе...

Она кивнула, и пройдя в свои комнаты, упала прямо на застеленную кровать, мгновенно погрузившись в сон.

* * * * *

В отличном настроении, Глеб Орлов прошёл в свой кабинет, но едва успел заняться делами, как зашёл Артур Чёрнсын.

– Сиди-сиди! – махнул он рукой вскочившему компаньону, и сам устроился в кресле для посетителей.

– Да вы курите, Хозяин, – Орлов подвинул Чёрнсыну пепельницу. – Я же вижу, ваше состояние.

– Уж при Мэри опять не буду, – ответил тот, закуривая и не глядя на Глеба.

– Ба! – Орлов откинулся на спинку кресла, вальяжно, словно генералиссимус. – Хотите повторить наш разговор в Вишнёвке?

– Почти, – холодно отозвался Артур. – Но, да, лучше уж ты, чем какой-либо ``Джерри``, не важно тот зомби, что ты нам навязал, а то и новый какой.

– Зомби? – рассмеялся Глеб. – Навязал? Да Джерри всегда превращался в робота, когда дело касалось Хозяйки. А насчёт ``навязал`` – разбирайтесь-ка с ней сами! Она Вашего Отца вокруг пальца обведёт, попользует да выбросит, да ещё ноги об Него вытрет! Вам молиться надо, что она вас любит.

Орлов помолчал.

– Я именно из-за неё вчера опять в ``вытрезвитель`` попал. Ну, поделилась она вчера Светлой Энергией, так лучше бы уж и не делала! Стрессовые гормоны сразу хим-баланс у меня сбили, а Энергетики ни капли не осталось!

– Ну и напился бы! – огрызнулся Артур. – Что, в первый раз было б?
– Я не хотел снова показаться Франсин в таком виде... – Глеб не ответил прошептал.
– Что это ты стал подзаборной б*** стесняться? – Чёрнсын хмыкнул, но тут же замер, видя с КАКИМ выражением лица поднимается из-за стола Демон Смерти.

– Она – моя жена. Извольте говорить о ней с уважением.
– С чего это она заслужила его у тебя? – удивился Артур.
– Она ради сына в Ад вернулась! – перечислял Глеб. – Она через ненависть свою переступила, спасая вашу жену. Она не любит и боится меня. Но, когда мне плохо, не издевается и не тычет меня мордой в моё же г***, как щенка провинившегося!

– Хе-хе-хе! – Ослабился Артур. – ``Она меня за муки полюбила, а я её за состраданья к ним``? А помнишь, ``Отелло``, чем это кончилось?

– Я не человек, – Орлов отозвался спокойно. – Я поклялся не мстить ни ей ни тому мужчине, которого она изберёт. И так я её в плену держу. Вы же знаете – к рабыням я всегда старался относиться по-хорошему.

– А я нет? – саркастически произнёс Чёрнсын.

– Ну, вот именно. – Глеб сел на место.

– Ты куришь, приятель! – заметил Артур с улыбкой.

Орлов так и замер, осознав, что Хозяин прав.

– Дёргайся – не дёргайся, друг ты мой старинный, – рассмеялся Чёрнсын, поднимаясь. – А ты у нас, на крючке ли, на поводке – сам выбирай метафору.

Перегнувшись через стол, он похлопал компаньона по плечу и вышел, а Орлов так и сидел, окаменело глядя на свою сигарету.

Решительно затушив её, он включил посильнее вентилятор и занялся делами.

* * * * *

Горничная осторожно разбудила Франсин.

– Вы идёте сегодня на работу?

Та вскочила, как кипятком облитая. – Я опаздываю?

В данном случае сработала привычка Люси-шофёра.

– Нет, – успокоила её горничная. – Миссис Чёрнсын велела напомнить, что у вас почти свободный график, и, если не назначено встречи с кем-либо, вы вполне можете приехать позже. Тем более после такой ночи.

«Уже доложили!» Франсин аж затрясло. «Она, что, каждый мой шаг теперь контролировать будет?»

Она молча направилась в ванную.

* * * * *

На работе секретарь улыбнулась Франсин, протягивая пачку отсортированной почты и прочих бумаг.

Сверху лежало красиво оформленная открытка.

Женщина заглянула в неё первым делом. Это было приглашение на вечеринку для работников Корпорации ВЫСШЕГО звена.

Люси-шофёр с Альберто пару раз ходили на такие же, для ``рядовых`` сотрудников, и теперь ей было любопытно увидеть следующий уровень.

Секретарь вздохнула с явной завистью.

– Программу вечера пришлют отдельно, – уточнила она. Франсин кивнула, заходя в кабинет.

«Платье надо будет присмотреть...» думала она, улыбаясь.

* * * * *

Франсин Тремблей уже собиралась уйти на обед, когда Мэри позвонила ей через интерком и заявила безапелляционно «Сейчас зайду.»

Причём даже не удосужилась послушать ответ.

Мадам Тремблей стиснула зубы.

«Ничего, ничего,» уговаривала она сама себя. «Она ТАК со всеми подчинёнными, не только со мной... ``дисциплина должна быть``...»

* * * * *

Франсин специально не стала выходить из-за рабочего стола и даже не собиралась вставать, когда не вошла – вплыла Мэри Чёрнсын.

– Как Даниель? – мурлыкнула та, прохаживаясь по кабинету.

– Нормально, – сдержано отозвалась мадам Тремблей. Она могла понять Мэри, но её собственное материнское чувство пересиливало все остальные.

Мисс Чёрнсын так и ходила из угла-в-угол, у Франсин даже голова начала кружиться.

– Зачем ты к этому алкашу в больницу потащилась? – спросила Мэри раздражённым тоном.

– Он – мой муж.

– Что, так полюбила, а?

– А в Вишнёвке вы же тоже делали, что жене положено?

– У меня он хоть и выпивал, да в запой не уходил! – с вызовом бросила Мэри.

– Распускаешь мужика!

– Ну, и держали б его при себе. – Кошачьи глаза Франсин и ехидный голос превратили её снова в Бренду.

– Мне ребёнка от него достаточно, – ухмыльнулась миссис Чёрнсын.

– Что ж, – Франсин-Бренда ответила такой же улыбкой. – Я горжусь своими мужьями. Раз столь влиятельная леди, у которой вся Земля и Ад в распоряжении, выбирает именно МОИХ. Для своего осеменения.

У Мэри лицо перекошилось, и она выскочила из кабинета, в секретарской почти врезавшись в Глеба.

Они уставились друг на друга. Любящие друг друга до ненависти.

До остановки дыхания.

Они даже говорить сейчас не могли. Как при болевом шоке.

Мэри опустила глаза первая и увидела – Глеб сжимал в руке букет.

Фиолетовые махровые ромашки...

Она вышла молча, а он еле сдержал себя, чтобы не кинуться следом, бежать, как пёс, заглядывая в глаза. Получать пинки, но не уходить...

«Идиот,» отругал он сам себя. «Ну, бегал я за Ядвигой, как кобель за сучкой течной. И что? Только презрение вызывало да плевки в душу! Но что это Хозяйка так выскочила? Уж не наговорила ли Бренда... Чёрт, Франсин... Ну, Хозяюшка – опять у меня из-за неё голова кругом! Даже забыл где я и куда, зачем шёл.»

Он торопливо вошёл в кабинет. Франсин сидела в кресле, свернувшись, обхватив себя руками.

«Точно наговорила...» У Глеба сердце оборвалось.

Она взглянула на него, на цветы и зарыдала.

Он всегда терялся от такого типа слёз.

Уронив букет, он, забыв о своих супер-способностях, перепрыгнул через её стол, просто по-мужски, опираясь одной рукой. Она кинулась ему на шею.

– Если она отберёт его снова – я убью себя... – бормотала Франсин, между всхлипываниями. – Какой, к Дьяволу, Ад, когда я всё время под таким мечом дамокловым...

– Нет, нет, не волнуйся! – Он оглаживал её спину. – Она ведь тоже страдает. Всё наладится, не бойся, милая моя...

Он говорил ещё что-то такое же бессвязное и неубедительное.

Но Франсин фыркнула, аккуратно оттирая слёзы.

«Как же бабы на трепологию берутся...» в который раз изумился он.

А мадам Трэмблей выскользнула рыбкой из его рук, потянувшись изящно.

– Чего ж ты цветы-то швыряешь? – хихикнула она.

– Что? – Совершенно обалдевший, Орлов даже не сразу понял о чём речь.

Вздыхнув, Франсин обошла стол и сама подняла букет.

– Я никогда не видела фиолетовых ромашек! – изумилась она. – Лапушка ты...

«Сработало!» Глеб обрадовался так, словно выиграл настоящее сражение. Он хотел принести ей цветы, но не астры, которые всегда дарил Джерри. Поэтому он подобрал растения наиболее похожие по форме.

«Она любит фиолетовый цвет,» думал он. «Надо будет ещё проверить сирень, лаванду, ирисы и гиацинты...»

А Франсин поставила букет в вазочку, расправила листья, любуясь.

– Ты тоже получил приглашение на вечеринку?

– Да... – Глеб замялся. – Правда, я никогда не ходил.

– Почему? – Она удивлённо взглянула на Орлова. Тот молчал.

«Потому что я познакомился с Джиной в районе этого праздника...» Он не признался бы в этом даже под пыткой.

Франсин отвела глаза.

– Не с кем было. – Наконец Орлов смог подобрать ответ.

– А можно мне изумрудное платье надеть? – мурлыкнула мадам Трэмблей, бывшая Бренда, делая вид, что разглядывает цветы.

– Подразнить Хозяйку? – ухмыльнулся Глеб. – Не удастся, дорогуша! Это для сотрудников событие, Хозяева не снизойдут даже заглянуть.

Франсин замерла. Она тщательно блокировалась, но Орлов и так мог догадаться о чём она думает.

Он вздохнул, снова приласкал её.

– Я сегодня позже приеду, – шепнул он виновато.

Она кивнула. – Отмечать поедешь?

– Сука ты! – Он засмеялся, тиская её.

Она тоже в долгу не осталась, и так, обзывая друг друга на всех языках, какие они знали, супруги ласкали друг друга, словно два влюблённых подростка.

* * * * *

– Глеб приедет поздно, Глеб приедет поздно! – Напевала Франсин, вбегая в дом.

«Хоть с Дэном, наконец, пообщаюсь...»

Она сбросила шубку в прихожей и устремилась на детскую половину.

Комнаты были пусты.

Холодея, она кинулась на задний дворик, выскочила прямо в платье... и вздохнула с облегчением; Рон гулял с Даниелем. Мужчина пытался заставить мальчика двигаться, но тот упрямо садился в снег. Заметив Франсин, Рон оставил малыша в покое, а сам отошёл на дальний край дворика.

– Даниель! – позвала женщина.

Мальчик глянул на неё, бегом устремился к Рону и забрался на него. Сколь болезненной ни показалась Франсин такая реакция сына, она всё же порадовалась.

«Бегаёт... Дитяtko моё, уже бегаёт...»

– Идём, доча, простудишься!

Мужчина внёс Даниеля в дом.

– Видишь, – ласково приговаривал Рон. – Мама пришла! Мама соскучилась. Мама любит. Давай, мама разденет?

Но малыш только стонал, цепляясь за мужчину.

– Глеб... – изумилась Франсин, видя мужа, тоже входящего в комнату.

Услышав это имя, Дэн вырвался и, так же хныча, подбежал к Орлову.

Тот, присев на корточки, решительно остановил его.

– А ну, прекратить сопли-вопли! – сердито приказал Глеб. – Ты мужик или кто?

– Он же маленький! – Франсин кинулась к ним, но мальчик с криком: «Н'ТЬёж, бять!» ударил её несколько раз, злобно и не по-детски сильно.

Женщина растерялась, а Глеб схватил малыша за плечики.

– Прекратить! – Он слегка встряхнул мальчика, и женщина едва сдержалась, чтобы не вступиться. – Нельзя дамочек бить!

Малыш смотрел исподлобья; длинный, с горбинкой носик и мрачно поблёскивающие глазки делали его похожим на воронёнка.

Но он уже не плакал, и Орлов поднял его на руки. Взглянул на Франсин.

– Ты же сказал, что поздно приедешь... – пробормотала она.

– Меня Хозяйка отпустила! – произнёс он с невольным восхищением. – Вот ты с ней цапаешься, а ведь Она сама позвонила! Поезжай, говорит, с Дэном поможешь...

«Да,» Франсин думала злобно, тщательно блокируясь. «Что бы меня лишить такой возможности – пообщаться с сыном один-на-один...»

Они все прошли на кухню. Глеб посадил Даниеля в стульчик, протёр ему ручки тёплой влажной салфеткой.

– Сейчас нам мама даст покушать! – заявил он тоном, не допускающим возражений.

Он сел по другую сторону стола, напротив сына, и Франсин торопливо подала его ужин, приготовленный домработницей. Потом, очень осторожно, поставила перед Даниелем его пюрешку и кружечку с молоком.

Не глядя на мать, малыш взял детскую вилочку и возил по тарелке, а женщина, зачерпнув ложечку, аккуратно поднесла к его плотно сжатым бесцветным губкам.

Дэн покосился на Глеба (тот ел с видимым удовольствием) и покорно открыл ротик. Невозможно было понять, нравится ему или нет, но он ел.

Хоть и неохотно, но ел и даже сделал пару глотков молока. Покусывая губы, чтобы не заплакаться, Франсин возилась с сыном.

Она чувствовала пристальный взгляд Глеба и думала: «Всё стерплю, всё прощу. Ничего, как сказал Рон, только бы выходить его... А там видно будет...»

* * * * *

На утренней планёрке Глеб не сразу понял, что происходит. Офицеры шушукались, женщины даже позволяли себе хихикать.

– Тихо! – Орлов постучал ручкой по столу и сам невольно рассмеялся. – По какому поводу такое веселье?

– Приглашенья получили! – пискнула одна из офицеров. – Я уж точно декольте надену!

Снова поднялся шум, и Глеб даже растерялся на секунду.

– Тихо! – прикрикнул он уже строго. – Дисциплина должна быть. – Он не выдержал и хмыкнул.

– А то, глядите, миссис Чёрнсын заметит непорядок – плакала наша вечеринка. Свободны!

Офицеры расходились, но некоторые приближённые подошли, обмениваясь ``мужскими`` шуточками.

Несколько раз проскакивали высказывания, мол, теперь с жёнушкой покажешься, и Орлова это смутило, хоть он и старался не показать вида.

Он пошёл к себе не напрямую, а по коридорам, чтобы подумать.

«Голой я её видел, в форме видел, в тряпках повседневных видел... А как на этой ``швабре`` будет вечернее платье смотреться? Да и платья у неё подходящего нет... Вот позорище-то мне! Ничего, почти три недели ещё, успеем сшить... Эх, вот Ядвига, милая моя, была фигуристая, красавица ненаглядная! Хоть и тоненькая, а не ``плоскодонка``... Я уж о Хозяюшке и не заикаюсь.»

* * * * *

Придя к себе, Орлов прежде всего послал жене письмо с ссылками на сайты, где могли сшить подходящее, как он считал, платье.

Потом уже занялся повседневными делами, провозился до обеда и только собрался выходить, как секретарь доложила о приходе Мэри Чёрнсын.

Глеб замер. «Ничего, ничего, я – мужик, а не тряпка...»

Он перевёл дыхание и открыл дверь в секретарскую.

Мэри прохаживалась вдоль стола, а секретарша-демонесса испуганно следила за ней.

Миссис Чёрнсын обернулась, глянула на Орлова, и он посторонился, пропуская её внутрь.

Она так же кружила, теперь уже по этой комнате, а Глеб присел на край стола.

– В честь чего такая церемония, Хозяюшка?

От звука его слегка хрипловатого голоса её бросило в жар. Она замерла, медленно села в кресло для посетителей.

«Хам, алкаш, солдафон,» твердила она себе. «Боже мой, я же люблю Артура, а не это примитивное, грубое существо...»

– Как жизнь семейная? – поинтересовалась она.

– Спасибо, налаживается, – ответил он таким же, как у неё, сдержанным тоном, думая: «Б***, манипуляторша, стерва...»

– В прошлом году ты ещё вроде как страдал... Ты ж именно в этот день Джину в первый раз увидел?

– Пришли мне раны растравливать? – Демон Смерти продемонстрировал свою характерную ухмылку. – Не страшно, вы мне сами же подарили ``целительное средство`` – жену заботливую. Хозяюшка, ну, сколько можно на неё злиться? Навязали вы меня ей, куда уж большее наказание?

Мэри вздохнула.

– Пусть Рон по вечерам приводит Даниеля в бассейн, – приказала она. – Дэну закаляться надо... Нечего тарашиться! Я пока заходить не буду... Не знаю, одни врачи говорят – плавание полезно во время беременности, другие – ни в коем случае... Ты-то что думаешь?

– А мне-то что, – хмыкнул Орлов. Тихо выругавшись, он скомкал очередную пачку сигарет, возникших в его руке. – ``Мавр сделал своё дело``...

– Твой любимый Шекспир?

– На самом деле эта фраза из пьесы «Заговор Фиеско в Генуе», – уточнил Глеб. – Шиллер, Иоганн. Какая вам разница! Позвольте мне пообедать пойти?

– Ты поэтому так злишься? – мурлыкнула она, уютно сворачиваясь к креслу, словно перепёлка в гнезде.

Он молчал, но уже с совершенно другим выражением лица; восхищённым и несчастным одновременно.

«Он, небось, с такой же рожей заглядывает в Рай, куда его не пускают...» думала Мэри мечтательно.

Усыпил её Ангел Снов, или она сама заснула, под властью усталости и гормонов стремительно развивающейся беременности, но Орлов воспользовался этим и потихоньку выскользнул из кабинета.

* * * * *

Когда Франсин проснулась около часа ночи в их семейной спальне, Глеба рядом с ней не было.

«На работу вызвали?» подумала она.

Но странное, необъяснимое чувство дискомфорта заставило её подняться.

Едва выйдя из комнаты, она сразу увидела свет в кухне и торопливо прошла туда.

Глеб сидел за столом и *пил*.

Пил, правда, свой любимый Анапский вишнёвый коньяк. Но пил.

«Опять!» Франсин цеплялась за косяк, чтобы не упасть. «Если это снова из-за Мэри...»

Он увидел жену, но не смутился.

– Не волнуйся, – заявил он таким весёлым тоном, что у женщины волосы дыбом встали от ужаса. – Я Энергетикой потОм прочишусь.

– Больно же будет... – напомнила она ему с горечью. – Очень!

– Ну, зато не привязанным лежать! – Он рассмеялся. – Хуже нету того света...

Он снова допил стакан и, намурлыкивая, спокойно налил следующий.

«Если он заметит мой страх – он разозлится... Как зверь настоящий.»

– А не рановато ты свой день рождения начал отмечать? – заметила она тоже весёлым тоном. – Почти неделя до!

– Помнишь! – Он подмигнул.

– Я подарок тебе хотела подготовить. Эдако совместно с твоим Днём Рождения и Святого Валентина.

– Себя в красивой упаковочке? – произнёс он уже с нотками озлобления в голосе.

«Уйти?» Мысли металась в её голове. «А если следом пойдёт? А если к Даниелю?»

– Неа! – Она сделала вид, что не замечает. – Мне всё равно б***ей с Шестого Этажа не переплюнуть, не говоря о Седьмом.

– Да уж, – отозвался он, восстанавливая содержимое опустошённой бутылки.

– Жалко, тебя в таком состоянии твои тигры сожрут...

– Что? – Он словно проснулся.

– Я читала, хищники пьяных не любят.

«Я сказал это Мэри...» невольно вспомнилось Глебу. «В ту самую, Рождественскую Ночь...»

Его аж затрясло от злости.

Бутылка и стакан исчезли, а он решительно огладил себя и замер на некоторое время, фильтруя, очищая кровь. Взглянул на жену.

– Пойдём, действительно, навестим котят, – произнёс он ласково, а у женщины сердце подпрыгнуло от счастья: «Сработало! Удалось!»

– А их... – Франсин замялась. – Когда кормят? А то я один раз только и зашла, а там...

– Их для ЭТОГО Хозяин и держит, – объяснил Глеб совершенно спокойно. – Но нет, сейчас они, вообще-то спят, скорее всего. Но так на них тоже приятно смотреть. Как тебе на Даниеля.

Он подмигнул, а женщина даже смогла изобразить улыбку.

Они оба были в домашних халатах, но не стали одеваться – туннели, соединяющие помещения слегка отапливались, а оба супруга не боялись даже Сибирских Морозов и Канадских Холодов.

* * * * *

Тигры-супруги действительно спали, причём не в пещере, а почти у самого стекла. Самец лежал на животе, положив голову на лапы, словно большая собака.

Тигрица примостилась рядом, уткнувшись лбом ему в бок, а дочка – расположилась слегка в стороне.

Она лениво умывалась, но, заметив посетителей, на несколько мгновений прервала своё занятие. Затем продолжила, как ни в чём не бывало, а Глеб рассмеялся.

– Независимая, как Энн!

«Просто такая же избалованная самодурка,» подумала Франсин, блокируясь.

– Съездил бы ты на свой день рождения к матери, – произнесла она задумчиво, вслух.

– К какой матери? – Не понял он.

– К ядрённой матери! – Женщина разозлилась. – Много у Глеба Орлова матерей, что ли?

– Так ведь я... – Растерялся он. – Она...

– Она, вообще-то, некое отношение имеет к тому телу, которым, что её сыночек, что ты, эдак по-свински пользуетесь! – горестно произнесла Франсин. – Ты же не можешь нарушать обещание! Ты клялся матери не кончать с собой, а такие дикие химические перепады и богатейское здоровье подорвут!

Он виновато молчал, и женщина приласкалась к нему.

– Поезжай, милый мой! – шепнула она. Он кивнул.

– А приедешь – будет сюрприз! – Она хихикнула. – Кажется я придумала, КАКО Й подарок тебе сделать!

– Спасибо тебе, Люси... – Пробормотал он, прижимая жену к себе, обнимая не только руками, но и распахнувшимися нежно-розовыми крыльями.

– *Спасибо, Люси Гонзалес...*

Глава 6

Вернувшись из Вишнёвки, Глеб прошёл сразу к Чёрнсынам. Здесь утро едва начиналось, но супруги уже не спали, а тихо переговаривались.

Некоторое время Орлов стоял, любясь ими. Он не ревновал к Хозяину; он наслаждался счастливым выражением лица своего воспитанника.

Артур полусидел, слегка привалившись на бок, не сводя с жены влюблённого взгляда. А Мэри, довольная таким двойным вниманием, лежала на высоких подушках. Ангельская улыбочка делала её кукольные губки похожими на лепестки роз.

«Это тебе не лягушачий рот, как у Франсин,» с досадой подумал Глеб. «От уха до уха...»

Он заметил – Мэри лежала не голая, как обычно, а в кружевном пеньюаре.

«Интересно, почему?» удивился он. «Мёрзнет из-за гормонов, или начала стесняться своего тела? Да, опять ведь записалась, ж**у подтягивать...»

– Как съездилось, Глеб Олегович? – Чёрнсын поинтересовался иронично.

– Отлично, Артур Дариусович! – в тон ему отозвался Орлов. – Приветы индивидуальные там многие бы желали вам передать лично.

Чёрнсын рассмеялся. – А чего ж не к жёнушке-то своей сразу? – продолжал он поддразнивать компаньона. – Али не соскучился?

Глеб вздохнул и, уже без улыбки, сел в кресло рядом с кроватью.

– Я не думаю, что она тоже в особом нетерпении меня увидеть, – отозвался он мрачно.

– Ждёт-ждёт! – Артур подмигнул. – Она тут такое утварила!

– Я так и знал! – Глеб всплеснул руками. – Ну, Хозяюшка! Навязали вы мне позорище...

– И чем это позорище? – оборвала его Мэри. – Даже не спросил, что она сделала! На мужиков не лезла, Артура на себя не тащила, мне рожу расцарапать не пыталась! Рона каждый вечер с Даниелем в бассейн отпускает...

– Не нервируй мою жёнушку, – вступился Артур. – Ей вредно сейчас волноваться!

– Да... – мурлыкнула женщина, уже снова опять улыбаясь.

– Так всё таки? – настаивал Орлов.

– Нет, это должен быть сюрприз для тебя! – заявил Чёрнсын. – Обещай, что первый раз пойдёшь туда ТОЛЬКО с Франсин.

– Да куда?

– На кудыкину гору – воровать помидоры! – Мэри рассмеялась.

– Понабивал ей голову чёрт-знает чем! – разозлился её муж.

Орлов вздохнул. – Обещаю, Хозяин.

– Она ТАКУЮ пещерку для твоих тигриков спроектировала! – Артур неверяще покачал головой. – Слуги непрерывной очередью шли смотреть, прям как в Московский Мавзолей.

– Да, Глеб в детстве так мечтал в Москву съездить, – пробормотал его компаньон. – А тигры-то как отнеслись к этому?

– Они ж глупые. – Чёрнсын пожал плечами. – Это же только внешнее оформление. В порядке твои питомцы.

Глеб вздохнул с облегчением и даже не спросил, в чём же была ``изюминка`` нового дизайна.

– Я вам, Хозяюшка, гостинцев привёз из Вишнёвки-то, – Глеб грустно ухмыльнулся. – Валентина Макаровна варюжечки ««Нюрке»» прислала, носочки. ««Знаю»», говорит, ««что девка вечно босиком бегаёт. Нутро б не застудила! Бабёнка всё-таки будущая. Дай Бог, ребятёночков нарожает...»» – Он подмигнул. – Там мясо вяленое, тонюсенькими ломтиками настроганное. Мать говорит – тошноту снимает получше химии всякой!

– Ааааа, так ты сказал... – Мэри протянула томно, поглядывая из-под полуопущенных ресниц так, как она умела – вроде скромно, словно во время молитвы, но Орлов снова едва сдержался, чтобы не накинуться на неё прямо на глазах у Хозяина.

«Ну, всё!» одёрнул он сам себя. «Скатился я до уровня Джерри. Да нет, просто неделю без бабы – и на корову полезешь...»

Он перевёл дыхание. – Да, сказал...

– Что у НАС ребёночек будет? – ехидно уточнил Чёрнсын, демонстративно обнимая и тиская жену. А та рассмеялась, высокомерно глядя на Глеба.

– Да, давай иди! – Мэри потёрлась о мужа, как кошка. – Пойди, *СВОЮ* жёнушку порадууй. Глеб молча вышел.

* * * * *

С мрачным лицом, он раскладывал гостинцы на кухонном столе в доме мадам Трэмблей. «Опять мордой тебя ткнули,» злился он. «Ну, так мне и надо! На чужой каравай... Сам же сколько раз Ядвиге это говорил...»

Он окинул взглядом заставленный стол.

«Милые дикари,» думал он с умилением. «Как старались... Да и какое всё вкусное, честно признаться... Эх... А хорошо так... Бездумно... Жрать, спать, дрова рубить на морозце... Никакого гимнастического зала не надо... Лопатой помахал – и дышалка и мускулы... А почему ж я на лыжах не прошёлся?»

Он замер, осознав причину.

«Франсин не было рядом...» Он сам не мог поверить себе. «Мне не хотелось, потому что *ТУ* прогулку мне не забыть... Каждую, каждую секунду. Я не хотел идти без *НЕЁ*. Мне не хватало *ЕЁ*.»

Он помотал головой.

«Нет, невозможно... Тошная, психопатка, которая терпит меня только из-за своего задохлика... Как она шла! Ровно, красиво, словно олениха тонконогая! А уж как оленихи за детёнышей своих борются – собой отвлекают, со стаей волков в бой вступают... Да что это со мной? Уж не влюбился ли я в эту б*** подзаборную, в грязном баре подобранную, кем только не переё***... Девочка моя, душа неприкаянная... Что она там с пещерой сделала? Где она вообще-то?»

– Она у себя, – демонесса-домработница ответила на его мысли. – Просила вас зайти... Она на журнальный столик залезла, – уточнила служанка, вроде как сама себе не веря. – «Сюрприз хочу», говорит, «ему сделать.»

– Что? – изумился Орлов. – Ну, Бренда... Дьявол! Как там... Франсин. Никак не запомню... Франсин, Франсин... Она что, повеситься решила? В этом сюрприз?

– Кто её знает... – Демонесса пожала плечами. – Платье новое одела. Вечернее. Вроде, как вы велели ей сшить...

– «Себя в красивой упаковке», – с досадой Глеб процитировал сам себя.

* * * * *

Глеб зашёл в салон жены.

Он замер, открыв рот от изумления.

Да, Франсин забралась на крутящийся журнальный столик. Очень высокая, она спокойно доставала до потолка и, когда вошёл муж – крутанула столик.

Ослепительно-синяя, сверкающая ткань длинного вечернего платья струилась, как поток сафиров, скрывая худобу женщины.

Волшебный сталагмит, взлетающая ракета!

Обтягивающий, частично полупрозрачный топ *ТАК* выгодно демонстрировал её маленькие острые грудки, что размер уже как-то и не учитывался, настолько сексуально-зовуще смотрелись эти «рожки».

У Глеба даже руки сами потянулись в её сторону.

«Где были мои глаза?» изумлялся он сам себе.

От такого зрелища у него не только *руки* поднялись.

Франсин ухмылялась, видя обалдевшего Орлова.

– Думаешь. в этом платье прилично будет пойти? – поинтересовалась она задумчивым тоном.

– Прилично! – воскликнул он, помогая ей спуститься. – Да к Королеве Англии на приём не стыдно было б показаться! У кого ты заказала? Когда же успела?

– Я сама сшила, – отозвалась она спокойно.

Глеб так и сел на софу.

– Что вытаращилась? – продолжила она грустно. – Тебя не удивило, что второй раз я проникла сюда, одетая в униформу горничной? Думал, я украла её? А сшить такой костюм по памяти было гораздо сложнее. А ведь даже ты не заметил подделки! Да, когда Дэн болел, я хваталась за любую работу! А когда совсем туго приходилось – шила по ночам на фабрике, наравне с нелегалами! Лишь бы оплатить хоть ещё один день... Но на проституцию я не пошла бы даже ради него... И нечего такие рожи корчить! Я с тобой живу, потому что... Мне жалко тебя.

– Что? – У Орлова голова шла кругом. – Ничего не понимаю...

– Вот именно! – выкрикнула она со слезами в голосе. – Пошёл вон!

«Вот уж, действительно сюрпризик!» думал Глеб, выходя из комнаты.

* * * * *

Совершенно запутавшийся, он сел за стол в кухне, по-прежнему заставленному привезённым из Вишнёвки. Сжимая и разжимая кулаки, Орлов поглядывал на ладони.

«Ну, Франсин...» крутилось у него в голове. «Вот психопатка... Хоть не повесилась или ножом меня не пырнула...»

Вошёл Рон с Даниелем на руках. Увидев Глеба, мальчик сразу начал вырываться, и Рон опустил его на пол.

«Если б я знал, что мне этого задохлика навяжут,» с досадой подумал Глеб. «Хрен бы я помог его вернуть. Пожалел называется... Нет, но ведь Мэри просила...»

Он покосился на Франсин, уже переодевшуюся в домашний спортивный костюм. Она замерла в дверном проёме, цепляясь за косяк. Тоскливое выражение на её измождённом лице снова превратили супер-эффектную модель в серенькую, измученную жизнью женщину.

– Парень соскучился! – Рон ухмыльнулся сквозь усы, контактируя с Глебом НАПРЯМУЮ: «Возьми его на руки!»

Орлов вздохнул и посадил мальчика на колени.

– Дедушка тебе коробочки прислал, – Глеб показал сыну подарок.

Тот схватил с видимым восторгом, слабая улыбка промелькнула на его тонких, как у матери губах. Он тут же начал раскладывать коробочки в ряд.

Орлов, даже не оглядываясь, буквально спиной, чувствовал, как тает, смягчается душа Франсин, внимательно наблюдающей за ними.

Он подвинул и открыл банку с мочёными яблоками.

– Вот, а бабуся тебе вкусненькое передала, – Глеб выловил яблочко, а Франсин подскочила с блюдцем.

Они, вдвоём, вместе покормили малыша, возились с ним. Орлов смирился с происходящим, словно он выхаживал подобранного зверька.

«Ну, хоть Франсин довольна...»

А та ласкалась к нему, как кошка, буквально мурлыча, прижималась, тёрлась лицом, несколько раз обнимала их обоих, постанывая и бормоча что-то нежное и бессвязное...

«Ну и ладно,» думали оба. «Пусть всё идёт, как идёт...»

Они даже не заметили, как Рон потихоньку вышел из кухни, оставив этих троих создавать свою семью, свой собственный, маленький мир.

* * * * *

Вечером Даниель заснул, а Франсин и Глеб сидели рядом. Навевателю Снов даже не понадобилось использовать Энергетику, а Франсин, стиснув руки, молилась.

Она не блокировалась, и падший Ангел наслаждался этим, подобно замёрзшему путнику, пригревшемуся у чужого костра, украдкой, пока не прогнали.

Супруги жили на Земле, в физических, молодых и сильных телах. Тот же инстинкт, что заставлял их смотреть на спящего детёныша с умилением, уже перенаправлял их мысли в другое русло.

Пальцы их рук, словно щупальца размножающихся актиний или осьминогов, играли, переплетались, проникая, скользя между друг друга.

Франсин уже покраснелась, а у Глеба щёки потеряли румянец.

– Спасибо за подарок на день рождения! – шепнул он, сжимая её тоненькую кисть.

– Нее, – Она подмигнула. – Платье – на `Валентина`, для вечеринки... Мой подарок – пещера!

– Ах да! – Орлов совершенно забыл об утреннем разговоре.

Он обнял жену и телепортировался с ней к вольеру с тиграми. Осторожно поставил её на ноги и с нетерпением взглянул. Некоторое время он разглядывал пещеру.

«Не понимаю...» думал он, чувствуя себя королём из сказки Андерсена `Новое платье...`

Франсин следила за ним с ехидным выражением лица.

– Ты сдаёшься? – Она игриво толкнула его.

– Тигры отвлекают? – полувопросительно отозвался Орлов.

Действительно, его питомцы, соскучившись, кинулись к ним, вставали на задние лапы, стуча передними по стеклу. Рычали, тигрица, мурлыча, тёрлась головой обо всё, что попадалось ей на пути.

Даже дочка-лентяйка, села рядом, глядя на Глеба с довольно-весёлым выражением на морде.

«А некоторые не верят, что звери могут улыбаться...»

– Милый, – Женщина нежно обняла мужа. – Ох, гордыня твоя! Ну, признайся! Эх, Глеб, тебе легче умереть, чем признать, что не можешь? Проигрывать надо с достоинством. Не страшно признать поражение. Ну, лапушка?

Орлов закусил губу. Она ласкала его нежно, но не в сексуальном смысле, а как сестра или даже мать.

– Дурачок! – шептала она. – Разбив коленку, не бежал к мамке – старался землёй замазать-замаскировать!

– Откуда ты знаешь? – изумился он.

– Валентина Макаровна рассказывала, – объяснила женщина, взъерошивая его волосы. – Как ещё ни заражения крови, а то и столбняк не заработал... Что ты?

– Однажды Хозяин... когда я был ещё в теле Роджера Сатани, – произнёс он медленно, в прямом смысле сгибаясь под тяжестью воспоминаний. – ...наказал меня, `запустив` столбняк.

Она еле успела заблокировать свои мысли.

Но Глеб и так знал, как бывшая Бренда ненавидела Артура.

– Из-за Джини? – уточнила она сдержанно.

Орлов кивнул.

– Тоже в районе Святого Валентина... – Он попытался изобразить улыбку.

Не желая больше дразнить и мучить его, Франсин отвела мужа к другой обзорной площадке, в самом углу, у края стены.

– Видно только ОТСЮДА, – объяснила она.

Он взглянул.

«Ааааа! Понял!» Франсин самодовольно улыбалась, видя, как вспыхнули глаза Глеба, словно у его тигров.

– Ну, Бренда... – пробормотал он, лизнув рот изнутри, что делало его похожим на уличного гангстера. – ««Роза под другим названием...» Пута, б***, извращенка!

Он рассмеялся, ухватывая её в охапку и тиская.

– Что, п*** свою взяла за основу?

– ТЕБЕ виднее, – мурлыкнула она, лаская его уже СООТВЕТСТВЕННО.

Он мгновенно телепортировал их в семейную спальню.

– Надо сравнить с оригиналом... – шепнул он, заваливая хихикающую жену на кровать.

* * * * *

У Глеба было великолепное настроение; на работе тоже поздравляли и надавали кучу мелочей и сувениров.

Он работал в кабинете, когда секретарь обратилась к нему через интерком:

– Тут к вам из отдела работы с клиентами. Говорит – на секундочку, по поручению от миссис Чёрнсын.

– Ну, пусть зайдёт, – разрешил Орлов, мельком глянув на сегодняшнее расписание.

Но, когда он увидел вошедшую – закатил глаза от досады.

Такие индивидуумы есть, наверное, во всех более-менее больших коллективах.

Вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, они постоянно бегают, что-то организуя, собирая, мешая другим, отвлекая ``нормально работающих``.

И всё это под лозунгом: ``На пользу коллектива``.

Но просто беда, когда и начальство поддерживает ТАКИХ. Тогда их даже не пошлешь куда подальше...

Примерно так думал Глеб Орлов, с кислой улыбочкой глядя на женщину с блокнотом в руках.

– Вы же идёте на вечеринку? – уточнила она.

– Да.

Она сделала пометку.

– Миссис Чёрнсын велела привлечь как можно больше работников для участия в концерте, – объяснила общественница.

«Ну, Хозяюшка!» Орлов снова досадливо крутанул глазами. «Во, бабам делать не хрен. Хорошо – я до этого никогда не ходил.»

– Мне хватает забот с организацией безопасности, – ответил он вслух.

– Нет-нет! – настаивала женщина. – Подумайте! Ваша жена записалась участвовать...

– Что? – рявкнул он, поднимаясь.

– Я... – пролепетала общественница, пятясь к выходу. – Она... Миссис Чёрнсын велела...

Вы же такой одарённый, талантливый...

– Могу перестрелять всех, находящихся в зале! – Демон Смерти продемонстрировал свою характерную ухмылку. – Но вряд ли такой вариант устроит Нашу Хозяюку!

Посетительница убежала, а Глеб, совершенно сбитый с рабочего настроения снова сел в кресло.

«Что ещё задумала Бренд... Франсин,» поправил он сам себя. «Да, нет, именно Бренда! Опять ведь что-то выбрыкнет! Ой, ну это не секс-бомба, а мина с часовым механизмом! И не знаешь, когда взорвётся...»

– Рон, – позвонил он. – Братец, выручай! Опять твоя ``дочурка`` что-то задумала! Ведь опозорит при всех на вечеринке – клянусь, убью её на месте!

– Не валяй дурака! – поступил холодный ответ. – У тебя уже паранойя. Ты что, опять поссорился с ней?

– Да нет...

– Ну вот, веди себя с ней хорошо – и она будет паинькой! А то я не видел, как вы вчера втроём миловались. Неужели, думаешь, она на подлость способна?

– Да нет, – вынужден был признать Глеб. – Но ведь не поймёшь, что у неё в голове делается! Сколько уж раз – как взовьётся ``на дыбы``, а почему – чёрт её не знает!

Рон вздохнул.

– Я с Дэном. А ты, братишка, работай спокойно и не бери в голову. Жене доверять надо, понял?

Он отключил мобильник, а расстроенный Орлов не знал, что же ему делать.

Подумав, послал жене СМСку: «Позвони, когда будешь свободна.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.